

П.В. Седов

**Подворья Валдайского
Иверского монастыря
в Москве и Новгороде
во второй половине XVII —
начале XVIII века**

Изучение жилища является одним из способов познания его обитателей. Создавая дом, хозяин вступает в своеобразный диалог с соседями и заявляет о своем месте в обществе. Меняется человек, меняется и его жилище, и наоборот.

Настоящая статья посвящена истории монастырских подворий Валдайского Иверского монастыря в Москве и Новгороде второй половины XVII — начала XVIII в. Будут проанализированы эволюция внешнего и внутреннего облика зданий, а также отношение людей к этим изменениям.

Для изучения повседневной жизни городских подворий исключительную ценность представляют документы из фон-

дов монастырей и архиерейских домов, что уже давно замечено исследователями¹.

Имеются также работы, специально посвященные московскому и новгородскому подворьям Валдайского Иверского монастыря. Г.М. Зеленская и Т.Г. Берхина изучили историю московского подворья этого монастыря в контексте деятельности патриарха Никона². Л.А. Секретарь опубликовала два описания новгородского иверского подворья 1654 и 1705 гг.³ При всей ценности названных публикаций следует подчеркнуть, что бóльшая часть документов по истории этих городских усадеб Валдайского монастыря еще не введена в научный оборот.

В фонде Валдайского Иверского монастыря Архива Санкт-Петербургского института истории РАН (Архива СПбИИ РАН. Ф. 181) сохранилась обширная переписка монастырских властей с их представителями в городах — строителями подворий истряпчими, «что за делами ходят». Десятки приходо-расходных книг зафиксировали траты казенных средств в Москве и Новгороде⁴. Эти источники в большей

¹ *Свирилин А.И.* Подворье Переславского Данилова монастыря в Москве // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860–1861. СПб., 1863. Кн. V. Отд. V. С. 1–29; *Тимофеева И.П.* Дворы и подворья Владимирского Рождественского монастыря (XVI–XIX вв.) // РусАрх. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. 2013 г. — <http://www.rusarch.ru/timofeeva19.htm> (дата обращения 04.08.2015); *Черкасова М.С.* Вологодское подворье Кирилло-Белозерского монастыря в XV — начале XVIII века // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 7–55; *Шенкова О.П.* Монастырские и архиерейские подворья Москвы (По материалам конца XVI — XVIII в.) // Архитектура русской усадьбы. М., 1998. С. 50–62.

² *Зеленская Г.М., Берхина Т.Г.* Ильинка сквозь века: Патриарх Никон. М., 2008. С. 54–55, 59–62.

³ *Секретарь Л.А.* Подворье Валдайского Иверского монастыря в Новгороде // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб., 2007. С. 262–270.

⁴ Внутренняя переписка и приходо-расходные книги Валдайского Иверского монастыря составили основу нескольких наших работ: *Седов П.В.*

своей части еще не введены в научный оборот⁵ и содержат значительный объем сведений о повседневной жизни городской монастырской усадьбы.

Современники отчетливо сознавали смыслы, которые возникали при улучшении или ухудшении собственного жилья. Московский подьячий середины XVII в. Григорий Котошихин в главе «О житии бояр, и думных, и ближних, и иных

-
- 1) Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. Изд. 2-е. М., 2008. С. 23–33, 152–154, 305, 309, 342 и др; 2) Подношения в московских приказах XVII в. // ОИ. 1996. № 1. С. 139–150; 3) Подношения в системе воеводского управления Новгорода XVII в. // НИС. СПб., 1999. Т. 7(17). С. 130–163; 4) Изменения представлений о времени в России во второй половине XVII – начале XVIII в. (По переписке монастырского стряпчего) // Religion und Integration im Moskauer Russland. Kozepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen 14–17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2010. S. 447–460; 5) Правда и Закон (Судебная практика второй половины XVII в. глазами ее участников) // Русистика Руслана Скрынникова. Будапешт–Волгоград, 2001. С. 240–253; 6) Контрабандная торговля табаком в порубежных территориях Новгородской земли во второй половине XVII в. // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2012. № 4. С. 85–92; 7) «Все де ныне государево»: Традиции и новации в церковной реформе Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сборник статей. СПб., 2013. С. 122–142 и др.
- ⁵ Документы Валдайского Иверского монастыря много лет плодотворно изучает З.А. Тимошенкова. Ее труды посвящены преимущественно аграрной истории (см. прежде всего: *Тимошенкова З.А.* 1) Социокультурный облик северо-западной деревни XVII – начала XVIII века. Псков, 1999; 2) Община в вотчине Иверского монастыря во 2-й половине XVII – начале XVIII в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексева. СПб., 2002. С. 533–541; 3) Село Валдай во второй половине XVII – начале XVIII в. // От Древней Руси до современной России. СПб., 2006. С. 194–207; 4) Демографические процессы в монастырской деревне второй половины XVII – начала XVIII в. // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России. К 150-летию отмены крепостного права в России: Труды межрегиональной научной конференции 20–22 сентября 2011 года / Под редакцией З.А. Тимошенковой. Псков, 2011. С. 118–132).

чинов людей» писал: «Бояре и ближние люди живут в домах своих, в каменных и в деревянных, без великого устройства и призрения». Далее Г.К. Котошихин, распространяя свои слова на более широкий круг людей, включая приказных и зажиточных горожан, разъяснил мотивы такого обустройства ими своих жилищ: «А в домах они своих живут против того, кто какой чести и чином, без великого ж устройства. И самым меньшим чином домов своих построить добрых немочно, потому что разумеют о них [что] богатство многое имеют, и ежели построится домом какой приказной человек, оболгут царю и многие кривды учинят, что будто он был посульник и злоиматель и царские казны не берег или казну воровски крал». Со слов Г.К. Котошихина выходит, что дом служилого человека или горожанина был обращен не только к соседям, но и к властям: «А ежели торговой человек и крестьянин построится добрым самым обычаем, и на него положат на всякой год податей болши. И от того Московского государства люди домами своими живут негораздо устроенными, и города и слободы без устройства ж»⁶.

Сочинение Г.К. Котошихина было адресовано западному читателю, и троекратное повторение слов о «негораздо устроенных» домах указывает на то, что автор эмоционально почувствовал разницу между домами зажиточных людей Швеции и России второй половины XVII столетия.

В Московском государстве первой половины XVII в. богато устроенное жилище осуждалось. В коллективной дворянской челобитной 1642 г. богатство подворий приказных людей служило прямым доказательством их вины перед государем: «<...> обогатев богатством неправедным своим мздоимством, и покупили многие вотчины и дома сстроили многие, палаты каменные такиея, что

⁶ *Котошихин Г. О России в Царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа / Составители: А. Либерман, С. Шокарев; послесловие И. Андреев. М., 2000. С. 127, 133–134.*

неудобь-сказаемая, при прежних государех и у великородных людей таких домов не бывало, кому пристойно в таких домах жити»⁷.

Однако во второй половине века отношение к устройству жилища постепенно меняется. По свидетельству императорского посла Августина Мейерберга, посетившего Москву в 1661 г., большинство жителей Москвы проживало в деревянных домах, «только несколько лет назад многие из них стали строить себе дома из кирпича либо по тщеславию, либо для того, чтобы безопаснее жить в них от очень частых пожаров»⁸. Личный врач царя Алексея Михайловича Самуил Коллинс заметил те же изменения в характере застройки Москвы: «С тех пор, как его величество был в Польше, видел тамошний образ жизни и стал подражать польскому королю, круг его понятий расширился: он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать покои обоями»⁹. Представители знати и зажиточные горожане подражали новым веяниям, идущим из царского дворца.

Подворье Иверского монастыря в Юшкове переулке Китай-города находилось между Посольским двором и двором Алексея Прокофьевича Соковнина. В 1655 г. дьяки Иван и Аникей Чистово передали патриарху Никону двор брата Назария Чистово, убитого во время Соляного бунта 1648 г. По свидетельству архидиакона Павла Алеппского, Никон переделал эти палаты и «обратил в подворье для своего монастыря <...>. В самой верхней части этого помещения он устроил красивую высокую церковь». Уже в мае 1656 г. состоялось торжественное освящение этого храма во имя Иакова Боро-

⁷ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Ч. III. № 113.

⁸ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // Утверждение династии / Составитель А. Либерман; послесловие С. Шокарев. М., 1997. С. 84.

⁹ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Там же. С. 207.

вичского с участием самого Никона, антиохийского патриарха и греческих властей¹⁰.

После размолвки царя с Никоном (1658 г.) строительство на иверском подворье в Китай-городе не прекратилось. В феврале 1659 г. монастырские власти послали на свое столичное подворье служебника Никифора Ретьку, которому доверили отремонтировать все строения, включая и каменные палаты: «Своды каменные, где попортились, починить». Со служебником из монастыря прислали 100 рублей «на дворовое строение». Деньги поступали в полное распоряжение не присланного мастера, а строителя подворья — иеромонаха Зосима.

Для Никифора Ретьки следовало отвести «место особно, где жить, и велеть его кормить в обед братцкой пищей с собою вместе, а завтракать и вечерять давать ему тож неоскудно: в пост рыбки, а в розговена купить бы тебе мяса, и ему по шмату давать, чтоб ествой он не скорбил». Сверх того Никифору купили ведро церковного вина «для почести, чтоб ему не кручиновато было жить». Столь уважительное отношение к мастеру сопровождалось полным доверием к его мастерству: «А что он, Микифор Ретка, на иверском подворье станет починивать и вновь строить, и тебе б у него воли не отнимать, у нас ему, что строить, словесно приказано, и роспись послана под сею отпискою». Нанятых в Москве работных

¹⁰ См.: *Зеленская Г.М., Берхина Т.Г.* Ильинка сквозь века. Патриарх Никон. С. 54–55. Авторы не вполне корректно сослались на архивный документ, удостоверяющий покупку Никоном двора на Посольской улице, указав соседний номер по описи (РГАДА. Ф. 153. Оп. 1. Д. 31). В действительности сам документ не сохранился и ему не присвоен даже архивный номер, поскольку в описи есть записи о его отсутствии по ревизии 1938 г. и по актам 1958–1959 гг. В описи имеется лишь следующая описательная статья, датированная 11 июля 1655 г.: «Данная дьяков Ивана да Аникея Второго детей Чистого, которою отдал он и утвердили в Иверской монастырь, что в Новгородском уезде на Свете озере, двор брата своего думного дьяка Назарья Чистого в Москве в Китае городе в Посольской улице со всяким строением в вечной поминок по означенном брате и по их родителех».

людей следовало содержать иначе: «А плотников бы тебе нанимать вольных людей к дворовому строению на их плотницком хлебе, а не на нашем монастырском. Хотя что ни дай найму, чтоб оне, плотники, были на своих хлебах»¹¹.

Роспись работ на подворье, данная в монастыре мастеру Никифору Ретьке (см. Приложение. № 1. Ст. 2), позволяет оценить не только объем запланированных работ, но и то, как монастырские власти мыслили себе желательную планировку подворья.

При каменных палатах упомянуты три лестницы: «з двора», «от Посолского двора» и «крыльцо, что куда всходят наверх», все три крыльца было велено покрыть тесом. Каменным был только первый этаж, на втором стояла лишь одна деревянная келья. Рядом с ней, со стороны Посольского двора, было указано поставить «другую келью», «а промеж келей — сени». Около церкви следовало возвести колокольню «на столбах из брусья и тесом кругом обить». В церкви со стороны Посольского двора было велено пробить еще одни двери, «куда людям в церковь ходить, чтоб по двору не ходили». Таким образом, власти заботились о сохранении замкнутого характера жизни московского подворья. Основная же цель работ 1659 г. состояла в увеличении жилых помещений.

В столице найти работников на монастырских условиях не удалось: «на Москве плотники гораздо дороги», — сообщали в монастырь. Тогда из монастырской вотчины прислали своих мастеров — четырех крестьян карельских деревень — «для монастырского строения до филипповых заговен 168-го году». Сверх задатка на месяц вперед плотникам было «ряжено» в монастыре по два рубля человеку за каждый месяц работ на полном содержании за свой счет, чтоб «пили и ели оне, плотники, свое все, и топоры и скобели, и долота, и пазники, и теслы, и черты, всякой плотницкой запас их бы был»¹².

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 447. Ст. 1.

¹² Там же. Ст. 3.

Наставления из монастыря московскому строителю иеромонаху Зосиму пронизаны мыслью о бережливости: «Да тебе ж бы, строителю, радеть о дворовом строении неоплошно, чтоб окупки в лесу не было, покупать бы тебе на дворовое строение всякой лес самому, не леницца, или Исхириона посылать купить, а Ретки одному лесу не велеть купить». Для текущих расходов «на дворовое строение» из монастыря прислали в Москву еще 50 рублей¹³.

Монастырские власти доверяли служебнику Никифору Ретьке во всем, что касалось строительства, но опасались его возможных злоупотреблений с деньгами при покупке строительных материалов, которые как в каменных, так и в плотницких работах стоили существенно дороже, чем труд мастеров и рабочих.

Кирпич иверские власти намеревались не покупать, а выпросить у Никона, который тогда находился в Воскресенском монастыре Новый Иерусалим. В этом проявилась бережливость, характерная для всех работ на подворье, когда экономия неизменно ставилась выше целесообразности. Строить стремились не из кирпича, а из дерева, хотя многочисленные пожары губили много имущества. В 1659 г. иверские власти обратились с просьбой к патриарху о даче кирпича «на починку на иверское подворье каменным хоромам, чтоб и больши не розвалились». Тогда же была составлена роспись, «что строить на Москве на иверском подворье и починивать»¹⁴.

Четверо плотников-карел прибыли в столицу на Светлой неделе 7 апреля 1659 г. Уже после их приезда строитель иеромонах Зосим испросил разрешения строить у опального патриарха Никона. Такое решение выглядит странным, поскольку иеромонах получил ясное указание на этот счет из монастыря. Тем не менее он явно тянул время, упуская погожие дни для работ.

¹³ Там же. Ст. 3–3 об.

¹⁴ Там же. Д. 447. Ст. 1 об., 2.

С начала марта Зосим торговался с московскими плотниками о цене. Уже второй месяц на подворье жил без дела служебник Никифор Ретька. Наконец приехали и плотники, и лишь тогда строитель послал в неблизкую поездку по весенней распутице в Воскресенский монастырь Новый Иерусалим за патриаршим разрешением. Надо думать, Зосим хотел снять с себя ответственность перед Никоном, если бы он выразил свое неудовольствие: «И я, строитель, без патриарша ведома ничево строить не смею и послал тотчас старца Исхириона к государю патриарху в Воскресенской монастырь с отпискою, что он, государь патриарх, укажет, велит ли строить или нет. И плотники дожидаются указа, ничево не делают».

Похоже, Зосим и вовсе не хотел начинать строить: «И мне, государи, будучи у церкви божи, одному невозможно в торг ходить, и для дворового строения лес купить, и самому плотниками нарезать, и во всем досматривать невозможно, потому что другово священника нет у церкви божей, и служить некому». Иеромонах подбирал один довод за другим, дабы устранить от личного участия в работах и просил прислать из монастыря еще одного священника, «чтоб мне было возможно дворового строения досматривать. А не пришлете, государи, не изволите другово священника послать, и дело плотнишное станет, потому что мне одному, будучи у церкви, за дворовым строением ходить невозможно»¹⁵. Дальнейшая участь опального патриарха Никона была неясна, почему оставалась неопределенной и судьба собственности патриарших монастырей — Валдайского Иверского и Воскресенского монастыря Новый Иерусалим. Насельники иверского подворья чувствовали временность своего пребывания в столице и не хотели тратиться на дополнительное обустройство.

Видимо, поэтому в расходных книгах и переписке Иверского монастыря отразилась подготовка к строительству на московском подворье, но само строительство, кажется, так

¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 447. Ст. 5.

и не началось. Во всяком случае, никаких сведений об этом нам не известно.

Однако необходимость ремонта подворья год от года нарастала. В 1666 г. архимандрит Иверского монастыря Филофей испрашивал у патриарха Никона разрешения на починку строений в столице: «У церкви и у хором кровли погнили, а около двора у тынов столбы и заборы погнили ж, а в иных местах и поразволилось; и мы, богомольцы твои, опасаемся, чтоб болше чего попортилось, и приказали <...> к той дворовой постройке на Москве припасти лесу, тесу и бревен». Опальный патриарх Никон оставил этот вопрос на усмотрение иверских властей: «А дворовая поделка на вашей воле, как хотите, так и стройте»¹⁶.

Церковный собор 1666 г. рассмотрел судьбу созданных Никоном обителей и утвердил за Иверским монастырем его собственность. Тем самым были созданы условия для обустройства его подворий в Москве и Новгороде.

Получив разрешение Никона, в столицу выехал иверский старец, который был «у дворового строения» с мая по сентябрь 1666 г. Его расходные записи на закупку материалов и проведение работ на подворье были включены в общую приходо-расходную книгу Валдайского Иверского монастыря.

В 1666 г. были куплены материалы для ремонта крыш зданий: на кровли 786 досок («тесниц») разного качества и 18 «досок мостовых», «пять брусков на балки», «четыре бруска х крыльцу на столбы», «четыре потоки» (потолка): «два больших, а два поменьше», пятисаженные бревна «на кладь наверх полатки», 46 бревен «в конюшню на переклады и на мост», 34 бревна «на приделок конюшни», 10 бревен «на церковную кровлю», 4 воза мха (обычно одного воза мха хватало на небольшой сруб), 90 «скал на все кровли», 60 «лубов на кровлю стойлам»¹⁷.

¹⁶ РИБ. СПб., 1878. Т. V. Ст. 587–588.

¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 39. Л. 49 об. —52 об.

Расходная книга зафиксировала, что на подворье одновременно работали две артели плотников. «Плотники-галечане» Родион Семенов и Данила Леонтьев «с товарищи» покрыли «церковной притвор и крыльцо, да им же дано от стойлов и от отходу от плотничества». Другая артель состояла из десяти крестьян-карел монастырской вотчины, которые соорудили «полатку»¹⁸. Сверх того плотники сделали два чулана: «у большой кельи» и «у воротней кельи» («в каменной полатке, что возле ворот»)¹⁹. На подворье упоминаются также «каменный погреб» и «поварня»²⁰.

Много сил потратили на сооружение новых печей и починку уже существовавших. Для ремонта печей купили 50 бочек извести, 1600 кирпичей, 150 возов песка и 32 воза глины, на облицовку одной печи 180 зеленых изразцов и 60 белых, а другой — 150 зеленых изразцов и 50 белых. Печь в «большой келье» починили, «в средние кельи» — облицовали 230 муравленными изразцами, а печь «у воротней полаты» переделали «наново»²¹.

Установили новые железные решетки: две «в ысподнюю полату и в погреб в окна», три «в верхнюю полату» и еще три решетки «в окна». Починили «двери железные х погребу» и купили «к исподней хлебенной полатки петли и крюки дверные» и железный дверной засов²².

Окна на подворье были стеклянные и слюдяные. Всего оконничных рам («станков») было 14, из них 10 окон в палатах имели стеклянные окончины: закупили «десять снопов стекла» и 10 «завесов луженых к окончинам»²³. Судя по тому, что в 1692 г. окна «нижней палаты» имели слюдя-

¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 39. Л. 53.

¹⁹ Там же. Л. 99, 104, 219–219 об.

²⁰ Там же. Л. 171.

²¹ Там же. Л. 53 об. — 55, 98, 189 об. — 190, 197.

²² Там же. Л. 54–54 об., 140.

²³ Там же. Л. 55–55 об., 115 об., 124 об., 196 об.

ные окончины²⁴, то и в более раннее время стеклянные окна были лишь на верхнем этаже.

В палатах плотники сделали пол («мост»), а в нижнем этаже, где была хлебная палатка, отгородили место, «где хлеб сыпать»²⁵. Двор обнесли забором, часть которого являлась «вострым тыном»; «забор к воротней избы» покрыли досками²⁶.

Два прежних битых колокола, общим весом пуд с гривенкой, были заменены на один «новый», весом пуд пять гривенок²⁷, который приобрел новое, более громкое звучание в общем колокольном хоре центра Москвы.

Из мебели приобрели «два столы небольшие, доски дубовые»²⁸, а также два ковра²⁹. «У большой полаты» двери обили двумя «полстями» для предотвращения сквозняков.

На закупку материалов и жалование работникам потратили весьма значительную сумму — 810 ½ рублей³⁰.

Сооружение одной «полатки» и расширение конюшни на подворье не решало проблемы недостатка жилых помещений. При этом жалобы на отсутствие жилья были вызваны не ростом числа обитателей подворья, а изменением их представлений о том, в каких условиях они должны жить.

Прежние стряпчие довольствовались скромными бытовыми условиями, а после обновления подворья у них возникло желание улучшить их. В январе 1668 г. стряпчий Алексей Семенов жаловался в монастырь: «А на подворье емлю, что нищей, по кусу хлеба да квасу по мере, и где жить, того не отведено. А кому ни быть, — рассуждал стряпчий, — отвесть же ему особная хоромина, а то в день бродишь да хлопочешь, а придешь, ино и поесть нечевол, и келья холодна, сварить

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 271. Л. 44.

²⁵ Там же. Д. 39. Л. 143 об.

²⁶ Там же. Л. 164, 188 об.

²⁷ Там же. Л. 133 об.—134.

²⁸ Там же. Л. 121 об.

²⁹ Там же. Л. 200, 203.

³⁰ Там же. Л. 61.

и испечь некому, сам избу топлю и варю». Алексей Семенов просил для него «келью опорожнить и дать на запас исподнюю полатку и погреб»³¹. Просьба не была уважена, и его оставили в приворотней избе вместе с дворником. После смерти Алексея Семенова в 1673 г. для его преемника было велено отвести «на нашем монастырском подворье полату, где прежней наш стряпчей Алексей жил, у ворот»³². Очевидно, ремонт печи в приворотней избе в 1666 г. сделали потому, что в ней жил стряпчий.

Стремление улучшить бытовые условия шло рука об руку с покупкой более дорогих вещей, в том числе иноземных, которые раньше были большой редкостью в русском обиходе. Расходные записи 1667/68 г. лишь за этот период зафиксировали много подобных покупок на подворье: «нож с вилками немецкого дела» за 60 копеек, «и тот нож и вилки взял строитель Евфимий себе»; «дватцать ножев немецких в черной кости» за 90 копеек, «и те ножи розданы на подворье братии и мирским людям»; «ножички польские» за 1 рубль 3 копейки; «нож с виками немецкого дела» за 30 копеек; «двои очки хрустальные добрые» купили у «немчина» за полтора рубля; «скляница немецкая» за 12 копеек; два ножа за 21 копейку, в том числе «маленькой немецкой», «отданы иеромонаху Евстафию перье чинить»; «пилоч немецких три дюжины» за 1 рубль 8 копеек, «отдано в слесарню»; «чернильница медная немецкая» за 20 копеек³³.

В 1668 г. подворье пострадало от пожара. 22 августа «Китай-город весь и ряды все, и тюрьмы, и в Белом городе половина города по Мясницкую улицу до Белого города все выгорело, и людей немало погорело, — сообщали из столицы в монастырь. — А у нас на подворье в церкви божи деисусы згорели, и мост, и кровля, и кельи, и запас; чюдь Бог поми-

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1271. Ст. 51.

³² Там же. Д. 2169. Ст. 40.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 39. Л. 66 об., 120, 154, 213, 215 об.–216, 220–222 об.

ловал, что унесли в погребы, то процелело. И занялось было и там, потому что затворок у окон железных не было, да Бог помиловал, что пришед словом во огонь Досифей и Яким да квасом подзалили и муке горедь не дали, а рыба вся згорела, а то б совсем тут погибли». После этого большого пожара московские власти в очередной раз потребовали улучшить качество кровли: «А церковь велят по государеву указу крыть черепицею или белым железом, в том у стряпчего взята скаска, чем крыть»³⁴.

Весной 1669 г. на подворье начались восстановительные работы. В марте сюда послали из монастыря 1600 листов «белого железа на церковную кровлю»³⁵. Строитель подворья старец Досифей доносил в монастырь: «Двор станем строить, а тес у нас готов и брусье станем промышлять. А церковь железом белым марта з 27-го числа почали, а пояльщиков поряжено, чтоб им церковь, и главы, и олтарь покрыть, 20 рублей, а олово и уголье их, да 400 листов горелых им же побелить своим же. А трапезу крыть, как ваша честность изволит, тесом ли или черепицею, о том пожаловать отписать. А тесом, чаят, не велят крыть, потому что взята скаска крыть железом и черепицею. А паперти крыть наймуютца с стороны, просят со всего 20 рублей, и мы давали 15 рублей, чтоб кругом покрыть. И где Ипполитова была келья, тут келью ж поставлю. И колоколня зделать им же, только еще по се число не уговоренось. Да пожаловать бы вашей честности приказать отписать, где пред сего была келья вверху на паперти, и ныне на том месте кельи строить или нет»³⁶.

Иверское подворье было одним из немногих уцелевших после пожара в Китай-городе, поэтому здесь некоторое время жили постояльцы-погорельцы. Строитель Досифей известил

³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1271. Ст. 83.

³⁵ Там же. Д. 1443. Ст. 21. На подворье почему-то было принято лишь 1400 листов железа (Там же. Ст. 42).

³⁶ Там же. Ст. 46.

свои власти: «стоят у нас на подворье в потклетных полах в болших греченя, и бил челом за них околничей Федор Михайлович Ртищев и Богдан Матвееич (Хитрово. — П.С.), а иных стояльцов беспрестанно привозят»³⁷.

В ответном письме из монастыря было велено, «где была Ипполитова келья, тут построить колоколня и переходы сверху на колоколню сделать. А на верху кельи были, и вам бы не велеть строить для ради стояльцов, разве летние холодные чюланы велите сделать. А как построить наверху кельи, и стояльцы напрасно учнут жить, тем бы вам и отниматься, что келей мало. А трапезу бы вам, как мочно, и паперть тесом добитца крыть, а не черепицею, потому что денгами у нас скудно, а черепицею будет дорого, разве черепицы, где взаем навремя добыть»³⁸.

В этом наказе отчетливо проявились два обыкновенных для Московской Руси представления. Первое состояло в том, что жизнь на подворье должна быть замкнутой и всякие постояльцы нежелательны. Второе было связано с традицией экономить на строительстве. Монастырские власти превосходно сознавали, что крыть жилые помещения тесом весьма опасно из-за пожаров, но обычай и сиюминутная экономия преобладали над долговременным расчетом. Как мы увидим ниже, к концу XVII в. эти убеждения переменятся, но пока они еще весьма устойчивы.

В ходе работ строитель московского подворья Досифей и стряпчий Алексей Семенов решились на самочинный поступок. Они стали возводить каменную колокольню вместо деревянной, потратив на это 70 рублей, о чем известили монастырские власти задним числом, когда и церковь была выбелена, и осталось лишь наместить в ней полы. Примечательны извинительные слова, которые Досифей подобрал для оправдания своих действий: «Не покручинтеса, честные

³⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1443. Сст. 49.

³⁸ Там же. Сст. 52.

господа, что без вашего благословения зделал каменную колокольню, чаясь, что кирпичю немного пойдет. Заведчи дело, и сам не рад, сверх того от вашей честности гнев на себя навел». Может быть, строитель и лукавил, оправдывая самовольство непредвиденными расходами, но он был явно доволен результатом своего труда, когда диктовал следующие слова: «А двор весь благодатию божию устроен, только что намостить мост в церкви. А в церковки выбелено и в главе вновь Спасов образ с херувимы зделают ж»³⁹.

С устройством храма на подворье вышел скандал. Поначалу два монастыря патриарха Никона — Валдайский Иверский и Воскресенский Новый Иерусалим — имели в Китай-городе одно подворье, пока иверские власти не купили себе палаты думного дьяка Назария Чистого. На новом подворье еще при патриархе Никоне была построена церковь Иверской Божьей матери. Однако прежний алтарь оставался на воскресенском подворье. Иверский монастырь обратился к патриарху Иоасафу с просьбой вернуть реликвию, на что и получил разрешение. Однако власти Воскресенского монастыря «ево указу не слушают и алтаря не отдают. А мы ездили к ним нарочно и говорят: хотя-де изволит великий государь или святейший патриарх кого и прислать нарочно, и мы не отдадим, их-де государская воля, хотя-де у нас все замки позбей. И много того, что не отдают ничево и не считаются»⁴⁰. Чем закончилась эта история, неизвестно.

Храм освятил 12 ноября 1669 г. архимандрит Иоаким, бывший иверский инок, а тогда настоятель московского Чудова монастыря. При обряде присутствовали попы и дьяконы «и иные многие люди»; по этому случаю «на обед вышло рублей з десять»⁴¹.

Переустройство на подворье после пожара 1668 г. обнаруживает новые черты, отличные от предшествующего времени.

³⁹ Там же. Сст. 147 об.

⁴⁰ Там же. Сст. 177.

⁴¹ Там же.

Если строитель Зосим всячески стремился избежать большого строительства, то его преемник Досифей на свой страх и риск возводил новые постройки, не убоившись возможного наказания за самоуправство. В результате усадьба обрела более обустроенный вид. Следующие строители продолжили год от года налаживать внутренний быт московского подворья.

В 1669 г. иверские власти сдали в аренду свой загородный огород «за Петровскими вороты за Земляным городом» сроком на десять лет. Огород располагался «подле загородного двора Воскресенского монастыря», некогда единый участок был поделен надвое после разделения иверского и воскресенского подворий в столице. Московский посадский человек Дмитровской сотни Новой слободы Елисей Иванов сын Животинник взял на себя обязательство содержать иверский огород и в качестве платы ежегодно поставлять на московское иверское подворье 15 тысяч огурцов, 30 гряд капусты, 2 гряды луку «тотарину», 3 гряды луку «саженцу», 2 гряды моркови, 3 гряды свеклы, 3 гряды чесноку, 2 гряды редьки и хрена⁴².

Следующий этап благоустройства на подворье был связан с пожаром 19 апреля 1676 г. Строитель Маркел сообщал о нем так: «Выгорела в Белом городе до Яуских ворот и Китайгород, и ряды все без аstatку, и наше подворье все без аstatку; в верхних полатах нутрь весь выгорел, на великую силу ис церкви утварь церковную из огня выносили, и сами насилу ушли». Строитель занял 20 рублей, «купил тесу и плотников нанял в полате нутрь делать» и просил прислать еще денег и плотников⁴³.

В июне из монастыря на подворье был послан казначей — соборный старец Евстратий «для дворового строения», а в июле из Москвы сообщали, что сам патриарх благословил «на подворье церковь божию и двор строить <...>

⁴² Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1478. Сст. 1.

⁴³ Там же. Д. 2534. Сст. 19.

и на церковную починку на кровлю белого железа купили, и паяльных мастеров наняли, и на полаты на кровлю, и на нутери, и на двери, и на мосты лес бревна и доски, и тес купили, и плотников наняли, и на починку на полаты, где разломалось, кирпичю купили ж»⁴⁴. На подворье уцелели лишь каменные постройки, а всё деревянное было полностью уничтожено.

Подробности восстановления иверского подворья после пожара сохранились в переписке строителя старца Маркела с посельским старцем монастырской вотчины села Щапово старцем Вениамином. Несколько месяцев подворье стояло в разоренном виде, поскольку «после пожару торговые люди, у ково товары есть, все в погребах держат нерозобразны товары, все лавки и двory строят, и купить ныне товаров не время»⁴⁵. По-видимому, дороговизна работ в пору широкого строительства в Москве приостановила восстановление подворья.

В ноябре 1676 г. в столицу приехал наместник Иверского монастыря Зосим, который на месте оценил состояние дел и начал распоряжаться восстановлением деревянных хором и ограды. Покупать в Москве срубы и нанимать плотников было дорого, особенно когда многие москвичи восстанавливали свои жилища после пожара. Заготовить лес и плотничать пришлось крестьянам ближайшей к столице монастырской вотчины — села Щапова Клинского уезда. Посельский старец Вениамин запросил наместника о размерах построек, длине забора, а также о числе крестьян, которых следовало прислать в Москву. В ответном письме наместник указал: «А конюшню б велеть крестьяном русским и корелам срубить против прежней в длину восьми сажени и с анбаром соляным и с сенником, поперег четыре сажени да тритцать столбов, пятьсот заборин

⁴⁴ Там же. Сст. 22, 58.

⁴⁵ Там же. Сст. 58.

в длину полутретьих сажен ручных. А тое конюшню, срубив, и столбы и заборы велеть крестьяном русским и корелам тотчас по нынешнему зимнему пути, не дожидая о том иного нашего указу»⁴⁶.

Из-за явного нежелания щаповских крестьян выполнять эту дополнительную работу дело замешкалось. В начале января 1677 г. наместник строго выговаривал старцу Вениамину за то, что он не может заставить подчиненных ему крестьян выполнить распоряжение монастырского начальства: «Велено крестьяном срубить конюшню в длину восьми сажен, а поперег четырех сажен, и ныне-де у вас такова лесу нет. А обложили-де крестьяне ныне рубить в длину семи сажен, а поперег трех сажен. И то знатно, что твое нерадение, для чево было самому тебе над крестьяны не досмотреть и бревна велеть им сечь было против нашего указу, а не своим изволом». Наместник велел рубить конюшню строго установленного размера: «Хотя пускай наставляляют, за что было мужиком плутать и против нашего указу бревен не сечь, а велим рубить конюшню плотно, чтоб щелей не были. И буде в лапу крестьяне рубить не умеют, и им велеть рубить в угол, и перед сенником под нависом велеть чуланы поделать против преждево, и на соль анбарец устроить у конюшни по сему указу»⁴⁷.

Крестьяне схитрили, уменьшив размеры конюшни, которую им предстояло везти в Москву. Сверх того, они отговаривались неумением рубить сруб в лапу. Во всех этих действиях заметно скрытое сопротивление новой повинности.

В начале февраля 1677 г. монастырские власти торопили посельского старосту Вениамина: «Щаповские крестьяне конюшню и сенник срубили, и тое конюшню на крестьянских подводах на московское наше подворье прислал, а сенника не привезли <...> и тебе б и сенник на крестьянских подводах

⁴⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2615. Сст. 19.

⁴⁷ Там же. Сст. 1–1 об.

прислати на московское подворье немотчав, чтоб тем же крестьяном, которые у нас остались пешие, конюшни збирать, чтоб и сушило вместе собрали»⁴⁸.

В марте в Москву привезли «на канюшню шолом», и щাপовские плотники были отпущены домой. В том же месяце крестьянам велели везти в столицу лес на ограду подворья: 15 столбов и 100 бревен⁴⁹. Это была половина столбов от необходимого числа, затребованного наместником еще в ноябре 1676 г. Таким образом, монастырские власти решили обойтись самым малым количеством леса.

Размер подворья (78 метра по улице и 30 метров в глубину) как раз требовал по всему периметру 30 столбов с пряслами в «полтретьи сажени» — 5,2 метра. Из 500 бревен на каждое прясло пришлось бы 16–17 рядов. Стандартная толщина бревна считалась 5 вершков (22 см) и, следовательно, такой забор достигал в высоту около 3,5 метров.

В марте 1677 г. крестьяне били челом, чтобы их освободили от возки леса на ограду подворья⁵⁰, поэтому монастырское начальство потребовало доставить хотя бы половину столбов и пятую часть бревен. Вероятно, для начала планировалось соорудить только две линии забора: по улице и от одного из соседей и пониженной высоты — в 6 или 7 рядов (1,2–1,5 метра). Однако крестьяне протянули время и повезли столбы на забор в Москву в начале апреля, когда снег уже сходил, и «за бездорожием покинули на дороге за Клином». В итоге им было велено привезти лес «по просухе»⁵¹.

Таким образом, более года подворье не имело надежной ограды. Можно допустить, что вместо нее был устроен какой-то временный забор, но вряд ли он был по всему периметру участка. Еще и в следующем 7186 (1677/1678) г. с московского

⁴⁸ Там же. Сст. 3.

⁴⁹ Там же. Сст. 4–6.

⁵⁰ Там же. Сст. 8.

⁵¹ Там же. Сст. 12.

подворья писали в Щапово о присылке «крестьян с бревнами да столбами заборными тотчас, что нонеча загородить от Соковнина двора. А сосед Алексей Прокофьевич Соковнин хочет приставить к нам, что мы от него не загородим»⁵².

Монастырские крестьяне работали на подворье без всякой охоты, почему и результат был из рук вон плох. Соборный старец Маркел писал из Москвы: «Села Щапова крестьяне построили у нас на московском подворье конюшню с сеником и перед сеником мост да два чулана досками забрали, и тот мост ныне осунулся гораздо, для того что под тем мостом посередке положено только по одной переводынки, и то не толстые». Вместо подставок под «переводынки» (слегги) крестьяне использовали колья, которые уперли в мерзлую землю; «и ныне как оттаяло, — писали с подворья, — и те переводынки перегнуло гораздо и чуланы высыпались». Сверх того нужно было «под конюшню столбы подпереть, потому что опала и промеж конюшни и чуланы все развалилось»⁵³.

Надо полагать, все эти недостатки были так или иначе устранены, поскольку на протяжении нескольких лет после проведенного строительства в документах отсутствуют сведения о значительных работах на подворье.

Опыт строительства подсказывал не экономить за счет использования более дешевого труда своих вотчинных крестьян. На протяжении второй половины XVII в. иверские власти постепенно переходили к найму более дорогой, но и более качественной сторонней рабочей силы.

По поводу переустройства монастырского двора между строителем Маркелом и стряпчим Ефремом Леским возникли споры, которые любопытны для понимания психологии столичных обитателей. Ефрем Леский жаловался на то, что ему, в отличие от прежних стряпчих, перестали давать «дров и воды, что есть сварить». Стряпчий Ефрем рассуждал так:

⁵² Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2717. Сст. 42.

⁵³ Там же. Д. 2615. Сст. 26.

если ему самому ездить по воду на Москву-реку и добывать дрова, то он не сможет «за монастырскими делами ходить, а работника для воды и дров в год нарочного нанять да лошадь купить и кормить, и стольке нашего брата не будет. Вряд и бес того здесь с семьею кормом и одеждою изниматца». При этом стряпчий упомянул, что он и так уже в Москве поиздержался, потому что «харчи всякие дороги, тако ж одежда и обувь здесь отменна»⁵⁴.

По сравнению с другими городами жизнь в столице вынуждала лучше одеваться. Внешний вид столичных жителей был связан с устройством их жилища. Эти две стороны быта всегда идут рука об руку: нужно было достойно выглядеть перед соседями и одеждой, и жильем.

Важным элементом внешнего украшения и удобства хором были стеклянные окна, которые постепенно вытесняли прежние слюдяные. В январе 1678 г. иверские власти прислали в Москву «бочечку битого стекла», поскольку им стало известно, что «перепускает-де то битое стекло немчин, что под Воскресенским монастырем живет». Выполняя поручение начальства, строитель иверского подворья Маркел узнал, что в действительности «немчина стекляново мастера под Воскресенским монастырем нет, а есть стекляной мастер в государеве селе в Ызмайлове», к которому Маркел и обратился с просьбой обменять битое стекло на целое⁵⁵.

Благоустройство столицы стало предметом особой заботы властей в конце царствования Федора Алексеевича. В сентябре 1680 г. была начата перепись всех московских дворов, а 22 декабря «церковное и дворовое, и хоромное, и садовое строение на Москве» было поручено стольнику Самуилу Федорову сыну Николеву — сыну выехавшего на русскую службу французского полковника Николя де Манора. Царские указы 1680–1681 гг. заставляли строить кирпичные здания на центральных

⁵⁴ Там же. Д. 2678. Сст. 1–2.

⁵⁵ Там же. Д. 2716. Сст. 2.

улицах Москвы и больше уделять внимания противопожарной безопасности. Так, на московское подворье Антониева-Сийского монастыря в 1680 г. купили «пожарную медную немецкую трубу» за 3 рубля⁵⁶. Особенное внимание обращали на то, чтобы крыши были из более пожароустойчивых материалов. С этой же целью все городские усадьбы центра столицы должны были иметь по улице не деревянные, а каменные ограды, которые сооружались по Тверской, Никитской и Ильинской улицам⁵⁷. Сведения о таком строительстве на иверском подворье неизвестны, но судя по тому, что в 1690-х годах ограда по улице была каменная с каменными же воротами, можно предположить, что они были сооружены в 1681–1682 гг.

Не только деревянные, но и кирпичные постройки требовали постоянного ремонта. В июле 1683 г. строитель московского подворья Лаврентий и стряпчий Афанасий Шалашник сообщали в монастырь о своих опасениях по поводу состояния жилых и хозяйственных построек: «Передней каменной крылец весь сыплетца и розселся во многих местех и скоро обвалитца. И мы тот крылец подперли деревянными подпорами и ходим все около на задней крылец, опасаясь незапной смерти, а починить нечем, потому что денег остается малое число, а постройки на подворье много».

Действительно, строитель много потрудился на подворье, о чем подробно доложил в монастырь в том же письме: «Построил на колоколни полатку и от полатки перегороду каменную вместо сеней. Да что перед церковью была полатка простая без окон и без печи и без дверей, и ту полатку перечинил же: в двери с надворной стороны вставил одверки з дверми деревянные. А что были двери к посольскому двору из той же полатки, и те двери заделал окошка с решеткою железною. А что были два окошка к гостеву Ивану Панкратьеву двору, и те окошка заделал зглуха. И в середине поставлена печь и учинена та по-

⁵⁶ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 139. Л. 24 об.

⁵⁷ См.: Седов П.В. Закат Московского царства... С. 528–540.

латка теплою трапезою». Таким образом, был изменен вход в церковь. Во время перестройки 1659 г. была нарочно пробита дверь в сторону Посольского двора, чтобы посетители церкви заходили в нее с той стороны и без нужды не слонялись по территории подворья. Теперь же, наоборот, вход со стороны Посольского двора был заделан и устроен другой — с внутренней стороны подворья. Это изменение могло быть вызвано тем, что за годы существования подворья в столице иверские власти обзавелись многочисленными влиятельными покровителями, которые посещали храм, и их было неудобно вынуждать ходить в церковь в обход. Важным бытовым улучшением стало появление теплой трапезной при церкви.

«Да в передней келии, что идучи з большого крыльца, что стояла пустая, — продолжал свой рассказ строитель, — печь новая построена. В задней келье, где я, послушник ваш, живу, старая печь перечинивана, потому что была гораздо ветха и впреидущую зиму не состоять было той печи. Да трапезу, и в кельи, и на колоколю в полатку окна зделаны новые. Да у стряпчего крылец гораздо от полатки отстал и печь в полатке розвалилась». Основная цель перестроек состояла в улучшении условий жизни: были сделаны новые печи и новые окна. Строитель предвидел возможные упреки монастырского начальства из-за непредвиденных строительных трат и потому счел необходимым заключить свой рассказ решительным утверждением: «И не построивши печи вновь и крыльца не починивши, на зиму жить некоторыми мерами нельзя»⁵⁸.

Монастырские власти одобрили строительные работы Лаврентия и в ответном письме велели заняться ремонтом разваливавшегося крыльца: «Передней восточной крылец сверха розобрать и, розобрав, вновь своды учинить и покрыть <...> стоящим стройным обычаем»⁵⁹.

⁵⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3233. Ст. 35–36.

⁵⁹ Там же. Ст. 40 об. В черновике письма из монастыря далее следовала зачеркнутая запись: «и покрыть против старого».

Монастырские власти одобрили и другую починку. В письме из монастыря в Москву сообщалось: «Да что розломана была от пожарного времени паперть, и вы-де, наняв плотников дорогою ценою, тое паперть покрыли. А щаповские крестьяне учинились вам непослушны и крыть тое паперть не пошли»⁶⁰.

Летом 1683 г. у насельников подворья возобновились споры с соседом — окольниковым А.П. Соковниным из-за размера участка. Монастырские власти советовали московскому стряпчему обратиться к свидетелям покупки усадьбы: «И кто тое землю и продал, и той вдовы внук в живых есть же», речь идет о внуке думного дьяка Назария Чистого. Кроме того, иверский архимандрит советовал искать содействия у другого свидетеля: «Да про тое ж дворовую землю сказывал нам, архимандриту, как мы были на Москве, думной дьяк Емельян Украинцов, что-де ему про тое землю подлинно ведомо, что та земля куплена потому, что думной дьяк Назарей Чистой был ему свойственной человек»⁶¹.

Несколько последующих лет больших работ на московском подворье не велось, и заботы его обитателей были прежде всего связаны с хлопотами по ремонту окон. Стекла и слюда вставлялись в окончины на оловянных припаях, которые от холода приходили в негодность и ежегодно перед наступлением холодов специально приглашенные мастера чинили окна. Так, в конце сентября 1688 г. строитель и стряпчий просили прислать из монастыря «оконничника и стекол, кому оконницы зделать, а на Москве ныне мастера дорожатца, за всякую оконницу просят за дело, и за стекло, и за олово по 40 алтын. И ныне жить стало неведомо как от холоду и приютитца негде»⁶².

Дополнительным поводом для улучшения внутреннего быта монастырской усадьбы были приемы высоких гостей.

⁶⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3233. Ст. 51.

⁶¹ Там же. Д. 3269. Ст. 65–66, 91.

⁶² Там же. Д. 3737. Ст. 46.

В августе 1688 г. иверское подворье посетили боярин князь В.В. Голицын, его сын боярин князь А.В. Голицын «и иные бояре и думные дьяки». В их честь был устроен чинный стол, для чего монахам пришлось докупать дорогие предметы и посуду: «2 стакана хрустальных больших пивных», «2 чашки персицкие, водку подносить» и «5 ножей столовых». Среди избранных яств и питей, специально закупленных по этому случаю, было «ренское самое доброе» и 15 ведер «пива с Какую самого доброго». Застолье было весьма церемонным, монахи даже заплатили дворецкому боярина князя В.В. Голицына за то, что он «написал чиновную с естомою и питную роспись»⁶³.

Вскоре после этого памятного посещения подворья первым боярином страны здесь случился очередной пожар. В отписке из Москвы о страшном событии сообщали так: в ночь на 2 октября 1688 г. «В четвертом часу загорелось блиско вашего, государи, подворья у самых Ильинских ворот в лавках сено, и от тех лавок выгорело до самых Кулишек и половина болшая Покровки, и Мясницкая вся, и Устретенка, и Панская слобода, все до остатку, до самой Марьиной рощи». После пожара, как водится, сразу же подорожали строительные материалы: «А лес и тес гораздо дорог: бревно покупаем шестисаженное по шти алтын, а тесу сто по три рубли, а ныне стало и гораздо дорожей, немного что не вдвое всякой лес и тес»⁶⁴.

Пожар уничтожил ограду вокруг подворья, и старый спор с соседом — окольниковым А.П. Соковниным — возобновился с новой силой. Монастырский стряпчий Афанасий Шалашник доносил властям, что окольниковый «просит толко полсажени, что за моими стряпческими хоромами, где бывал отход от улицы до двора гостя Ивана Панкратьева, в переднем и заднем конце ровно. И мы, послушники ваши, разрушая большую вражду, тою землею ему, окольниковому, поступаемся». Формально А.П. Соковнин был прав, поскольку у него

⁶³ Там же. Сст. 52–53.

⁶⁴ Там же. Сст. 47.

«не достает земли во дворе против писцовых книг и купчей полшесты сажени». К тому же Соковнин имел влиятельных покровителей при дворе, был «ближней свой» боярину Л.К. Нарышкину. Поэтому иверские власти пошли на уступки, тем более что Соковнин сразу после пожара поставил забор на спорном участке, как считал нужным: «С улицы загородил по самую мою стряпческую палату, где был отход, а на дворе еще по се число не городит»⁶⁵.

Разрушения после пожара были значительны, но каменные постройки иверского подворья устояли, хотя и сильно пострадали. Спустя год после пожара стряпчий А. Шалашник прислал в монастырь их подробное описание: «Под церковью на вашем, государи, московском подворье кладовая полата и сени все розседались на все четыре стороны по углам и о середке, и опасно безмерно, чтоб церковь и з полатою, и з сенми не обвалилась. А нынешняго году некоторыми мерами будет не устоять, обвалятца вскоре, а наипаче всего душ христианских опасно, чтоб не прибило. Да другая полатка под колоколнею — свод весь хочет упасть, уже и кирпичье многое попадало, да и паперть над большим передним крыльцом, и крыльцо, все четыре столба, осыпались, и свод розселся. А над поварнею и над байнею также все течот гораздо во многих местех и баенной свод розмывает, для того что покрыто тесом в одну ряд. Да и конюшня тотчас весь верх упадет и лошадей придавит, для того что решетины, где сено кладетца, и подпоры поставлены, и перекладины положены, гораздо тонки в отрубке, вершка по четыре и менши, и на двор вся стена вывалилась, и дверей нижних, где лошади стоят, запирать никоторыми делы невозможно. Да и потайной крылец, что у поварни перед байнею, обвалился было, и захватили, подперли деревянными подпорами да досками. Да и у меня, послушника вашего Афонки, печь всю роздуло и верх обвалился, для того что немногие связи кладены, а ко-

⁶⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3737. Ст. 49; ср.: сст. 46.

торые и положены, и то негодные, также и потолок весь росохся и у чуланов доски все выпадают»⁶⁶. Однако ремонт церковного крыльца и прочие каменные работы начались лишь весной 1693 г.⁶⁷

В следующем, 1694 г. обитатели подворья ограничились мелким ремонтом: в октябре чинили печи, а в крестовой — стеклянные окна. В январе 1695 г. покрыли лубом поварню, в марте были лазеревой выбойкой «в верхней кельи обиты лавки», в апреле купили слюдяное окно в баню. В том же месяце на подворье привезли 500 кирпичей, из которых сложили «трубу вверх из средней кельи, что к Посольскому двору». В июне починили стеклянные окончины в строительской келье, а в июле покрыли тесом «задний крылец»⁶⁸.

Переписная книга московского подворья Валдайского Иверского монастыря марта 1695 г. зафиксировала состояние столичной усадьбы: «На подворье на полатах церковь каменная во имя Пресвятыя Богородицы Иверские»; «да в церкви, и в трапезе, и в олтаре трои двери железные да четверы затворы, у вокон железные ж. В трапезе печь образцовая». Среди внутреннего убранства каменных палат находим характерные для конца XVII в. новшества: «В верхней строительской кельи семнатцать листов фряских в рамах да семь листов без рам». Украшением церкви служили «два ковра турских», «хоры столярского дела; на колокольни три колокола средних, два зазванных малых»⁶⁹. В 1666 г. на колокольне упоминается один колокол, а 30 лет спустя их стало пять.

В сентябре 1695 г. чинили «окончины», в октябре закупили тес, драницы и однотесные гвозди, по-видимому, для починки крыши, также была «починена поварня». В ноябре готовились к «починке печей», для чего купили глины,

⁶⁶ Там же. Д. 3835. Ст. 13–14.

⁶⁷ Там же. Д. 4325. Ст. 37–37 об.

⁶⁸ Там же. Оп. 2. Д. 848. Л. 11, 23, 31, 33, 33 об. — 34, 41, 44.

⁶⁹ Там же. Д. 321. Л. 3, 5, 14, 15 об., 16.

«кахлей» и «два молотка на каменное дело». В феврале 1696 г. пришлось чинить «в строительской кельи стеклянные оконницы»⁷⁰. В апреле того же года устроили «в нижних кельях две печи, одну кахленую, а другую кирпичную»⁷¹. Осенью 1696 г. подправили печи в разных помещениях: в октябре «передельваны в стряпческой полаты кафляная печь», для чего было куплено «в прибавок» 50 кафлей; в ноябре чинили трои печи «в крестовой, да в архимандрицкой, да в боковой кельях»⁷².

Тем не менее состояние построек оставалось неудовлетворительным, и в 1697 г. на подворье затеяли более серьезный ремонт. В июле работники «обелили верхнюю палату»⁷³, но этого, по мнению строителя, было явно недостаточно. Посему в следующем месяце он писал в монастырь, что «полаты, где живут строители и братия, и служебники, и стряпческие гораздо поразшелялись и кроли на всех полатах пристояли, и безпрестанно от дожжев текут, а крылец гораздо ветх, скоро порушатся»⁷⁴. В сентябре каменщики Кузьма Аникеев с товарищами «починивали палаты», а также были куплены 250 «скальб» (куски бересты, подкладываемые под крышу). Кроме того были выложены печи «в дву палатах» и сделаны две слюдяные окончины «к верхним сеням»⁷⁵. В августе 1698 г. «сделана печь новая обращатая в передней палате», на ее облицовку пошло 270 изразцов, и «делано в нижней палате две печи: одна обращатая, другая кирпичная»⁷⁶.

Очередной ремонт на подворье произвели после пожара 1698 г. Об этом сообщали из Москвы в письме от 25 мая 1700 г.: «Да в прошлом, государи, 207-м году божиим изволе-

⁷⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 322. Л. 7 об., 14–14 об., 17 об., 19, 21 об., 22, 25, 33.

⁷¹ Там же. Л. 41.

⁷² Там же. Оп. 2. Д. 380. Л. 13, 17.

⁷³ Там же. Оп. 2. Д. 383. Л. 17 об.

⁷⁴ Там же. Оп. 1. Д. 4812. Ст. 101.

⁷⁵ Там же. Оп. 2. Д. 368. Л. 21 об., 22 об., 24, 25 об., 26 об.

⁷⁶ Там же. Л. 48 об., 49.

нием как был на Москве пожар, и в то время погорело и ваше, государи, подворье. И после того пожару то ваше, государи, подворье починено, и на больших полатах кровли покрыты, толки по се число стряпческие полаты не починены и не покрыты. И о той починки как вы, государи, изволите. А естли изволите починять, и на тое починку надобь рублей пятьдесят и больши подряжать мастеров, чево станут за все дело просить»⁷⁷. Строительство новых каменных стряпческих палат на подворье началось в июне того же года⁷⁸.

В сентябре 1699 г. наняли пять работников «х каменному делу» и закуплено 1000 кирпичей, бревна и драницы на ремонт крыши, в том числе «на стряпческие палаты» (см.: Приложение. № 2. Л. 1–4). В октябре 1699 г. строитель московского подворья заплатил плотникам монастырской вотчины Петру Козьмину с товарищами — «за строение, что строил на московском подворье всякое деревяное дело, по договору достальные денги 15 рублей»⁷⁹. В ноябре были починены «печи в верхней келии»⁸⁰.

Частые пожары, губившие нажитое имущество, необходимость восстановления жилья, — всё это непереманные черты жизни средневекового города. Временность и непрочность материальных условий жизни питали неуверенность в сегодняшнем дне, а тем более в дне завтрашнем. С наступлением темноты даже передвижение по собственному двору было сопряжено с трудностями. В ноябре 1696 г. на иверском подворье купили «опойчатый фонарь <...> дворнику, ходить в конюшню к лошадям»⁸¹.

Непереманной чертой жизни на подворье была непролазная грязь, которая становилась непреодолимым препятствием во время дождей. В ноябре 1690 г. с подворья сообщали: «Проезду ни к кому нет, побить челом невозможно за грязью;

⁷⁷ Там же. Оп. 1. Д. 5140. Стл. 78.

⁷⁸ Там же. Д. 5140. Стл. 88.

⁷⁹ Там же. Оп. 2. Д. 859. Л. 6 об. — 7.

⁸⁰ Там же. Л. 14 об.

⁸¹ Там же. Оп. 2. Д. 380. Л. 16 об.

безпрестанно и ныне по вся дни, как ты, государь отец архимандрит, с Москвы съехал, все идет дождь, и мосты все плавают, а по переулкам никто из дворов не выходит, все питаютца с великою нуждею колодозною водою, и погребы водою все отняло»⁸². Ситуация была действительно серьезной; чуть позже с московского подворья сообщили, что их лошадь «нынешнею невольною осенью, возя воду, в переулке утонула в луже»⁸³.

Сущим наказанием для постоянных обитателей подворья был постой присланных властями людей. В 1696 г. на подворье были размещены украинские казаки, которые «все разорили до остатку, и в кельях везде, пьяные, окна выбили и печи розломали, и дрова пожгли, и двор весь заплюгавили. А боярину Петру Васильевичю (Шереметеву. — П.С.) били челом, чтоб их свести, и того учинить некоторыми мерами не могли. А ныне, апреля в 25 день, им, казакам, будет отпуск», — с надеждой писали с подворья в монастырь⁸⁴.

Государственная власть считала себя вправе распоряжаться частными дворами жителей Москвы и размещала на них колодников и постояльцев. 16 февраля 1702 г. в Кремле, Китай-городе и в Белом городе была проведена перепись: «Пишут монастырские подворья, которых монастырей и на которых улицах, и у которых церквей в приходех, и что на котором какова строенья порознь. И у нас написано против наказу вначале церковь Пречистые Богородицы Иверские, также и палаты, и чуланы, и погребы, опроче церковной утвари и домовых хлебных припасов. А для чего того — не ведомо». Цель описания жители подворья почувствовали на себе уже на следующий день, когда дьяк с солдатами «нагнали к нам на двор кормить овсом и сеном дватцетъ три лошади. И я принимать не стал, — сообщал строитель иеромонах Ефрем, —

⁸² Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3835. Сст. 87.

⁸³ Там же. Д. 4085. Сст. 7.

⁸⁴ Там же. Д. 4718. Сст. 22–23.

говорил, что у нас кормят в монастыре и вотчинах беспрестанно (так. — П.С.) присланных ис полков многое число. И они, указ положа и лошадей оставя на дворе, з двора сами съехали»⁸⁵.

Строитель Ефрем и стряпчий Иван Чекалов тут же стали хлопотать о снятии с них этой повинности. Они отправились в подмосковную вотчину боярина князя Б.А. Голицына, который по особой милости к Иверскому монастырю велел перевести лошадей на подворье тверского митрополита, где и без того уже было поставлено пятьдесят лошадей. «А на иных подворьях по сту и полтора ста с осени кормят и от того вельми скучают и на нас указывают», — заключили свой рассказ строитель и стряпчий⁸⁶.

Едва они отбились от одной напасти, вскоре пришла другая: 30 мая по приказу боярина И.А. Мусина-Пушкина на иверское подворье были присланы люди с недавно сгоревшего конюшенного двора, принадлежавшего кремлевскому Вознесенскому монастырю, «всякие их жители з женами и з детми, и со всяким скотом, с коровами и с козами, дватцать пять семей к нам на иверское подворье поставлены во все кельи: в нижние, и в верхние, и в стряпческие, а нам толко велено оставить келья крестовая с переднею, да и с той теснили б, чтобы им очистить, где сидеть их монастырскому приказному с подьячими, и конюшню с сенницею, а наших воротника и хлебника збили жить с собою вместе». Строитель и стряпчий стали «неотступно» упрашивать боярина И.А. Мусина-Пушкина о снятии с них столь тяжелой повинности, «и он милости не явил, а сказал: где де мне их деть, и все-де государево».

Формулу «все-де государево» было невозможно оспорить. Но было и другое, что помогало выжить в подобных условиях: «И мы, видя такую погибель и разорение, ездили в вотчину к милостивейшему боярину князю Борису Алексеевичю

⁸⁵ Там же. Д. 5577. Ст. 13.

⁸⁶ Там же.

(Голицыну. — П.С.) дважды, и он изволил приказать столнику Ивану Алексеевичю Кошлеву, чтоб к нему послать о своде тех постояльцов. И буде не сведет, ему, столнику, велено збить». И.А. Мусин-Пушкин не решился перечить князю Б.А. Голицыну и приказал освободить подворье от постоя, но на время оставил в распоряжении Вознесенского монастыря «на приказ стряпческую палату и с ысподним житьем, чтоб жить конюхом двум человекам, и стойло, и сенницу — им же для возников». Лишь 8 июня приставы «збили» последних вознесенских постояльцев с иверского подворья⁸⁷. Еще несколько месяцев здесь оставались следы проживания непрошенных гостей: в октябре 1702 г. на подворье был приглашен каменщик, который «починивал в старой хлебне окно, что вознесенские ломали, да в трех печах поды клал»⁸⁸.

Неудовольствие обитателей подворья присылаемыми постояльцами было вызвано еще и тем, что в обычное время в некоторые пустующие помещения на усадьбе пускали жить квартирантов за деньги. Такая возможность появилась к концу XVII в., когда число жилых помещений с печами стало больше.

Сохранилась тетрадь с записями о приезжих постояльцах на московское иверское подворье и доходе с них 1701–1703 гг. Из документа следует, что сторонние люди жили весьма скученно в нескольких помещениях и обычно снимали помещения на долгий срок. Основная масса постояльцев была из Речи Посполитой и Украины или западных уездов России: преимущественно из Могилева, а также из Сум, Шклова, Полоцка, Харькова, Стародуба, Опашня, Ахтырки, Плутова, Пскова, Смоленска. Надо думать, выходцы из этих мест выбирали подворье Валдайского Иверского монастыря, поскольку его старцы сохраняли западнорусскую речь и нравы родной земли.

⁸⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5577. Ст. 48–50.

⁸⁸ Там же. Оп. 2. Д. 888. Л. 17.

Строго фиксированной платы за постой не было: как правило, приезжие делали вклады «вместо постоянного в церковное строение», что должно было располагать постояльцев к большей щедрости. На подворье сдавали нижнюю («ысподнюю») келью возле лестницы по цене 5–10 копеек за день проживания, здесь размещалось обычно пять–семь человек; верхнюю келью снимали за 10–15 копеек в день, стряпческую келью — за 10 копеек (см. Приложение. № 3. Л. 1–9 об.).

В начале Северной войны крупного строительства на подворье не велось, дело ограничивалось мелким ремонтом. В 1701 г., когда снимали колокола с церковей для литья пушек, колокольная подворья лишилась двух малых «зазванных колоколов» и на ней осталось лишь три средних (см. Приложение. № 4. Л. 9 об.). В мае 1703 г. в стряпческих палатах проломили стену и устроили новую дверь⁸⁹, в августе того же года купили «четыре плиты белого камня для мощенья в сенях мосту». Сверх того в сентябре каменщик починил келью и церковь, где под престол была положена новая плита⁹⁰. В феврале 1706 г. в воротней келье починили печь⁹¹.

Общее представление о состоянии подворья в этом году дает опись 1705 г. с подробным описанием внутреннего убранства церкви, разнообразного имущества, хранившегося здесь, в том числе книг и документов монастырского архива (см. Приложение. № 4).

В 1708 г. на подворье был произведен более существенный ремонт, о чем в отдельной приходо-расходной книге была сделана специальная запись: «В нынешнем 708-м году июня в 3 день <...> велено на московском подворье починить каменное строение, которое ветхо». Для этого купили 3000 кирпичей и 20 бочек извести. Вокруг палат устроили леса: «На подвязи лесу дватцать бревен 4-х сажен». Сверх

⁸⁹ Там же. Д. 914. Л. 22 об. — 23.

⁹⁰ Там же. Д. 931. Л. 5, 8.

⁹¹ Там же. Д. 533. Л. 7.

вотчинных крестьян, которые работали на подворье, пришлось на неделю нанять четырех работников, поскольку «домовые» крестьяне «с Москвы ушли без отпуска». Строительные материалы обошлись в 19 рублей⁹². Какой-то ремонт усадьбы имел место в 1715 г., когда боярин князь П.И. Прозоровский распорядился не брать с прикащика села Щапова 24 рублей, а по челобитной строителя Кирилла разрешил «на те денги строить и починивать московское подворье»⁹³. Дальнейшие работы здесь по сохранившимся документам фонда Валдайского Иверского монастыря не прослеживаются.

В начале XVIII в. подворье простиралось по переулку на 25 $\frac{3}{4}$ сажени, противоположная сторона составляла 21 сажень, а боковые — по 29 сажень. В пожар 1737 г. пострадали жестяная крыша Иверского храма и деревянные покрытия на трапезе, паперти и кельях, внутреннее убранство церкви осталось нетронутым. К 1761 г. церковь и каменные палаты обрушились и в том же году были разобраны⁹⁴.

Подворье Валдайского Иверского монастыря в Москве было типичным жилым комплексом средневекового города с плотной скученной застройкой, несколькими жилыми и множеством хозяйственных построек. Даже одна сажень территории, которую пришлось уступить соседу А.П. Соковнину, означала утеснение стряпческих хором. Центром комплекса были каменная церковь и каменные палаты, где размещались строитель и первое время стряпчий, до тех пор пока для последнего не построили отдельные деревянные хоромы. Раздельное жилье для строителя и стряпчего соответствовало реальным отношениям на подворье, где были два главных человека. Строитель жил в каменных палатах, а подчиненный ему стряпчий — в деревянных хорамах.

⁹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 777. Л. 1–3.

⁹³ РГИА. Ф. 815. Оп. 1. 1716 г. № 12. Л. 28 об.–29.

⁹⁴ *Скворцов Н.* Московская церковная старина: Уничтоженные в московском Китай-городе церкви. М., 1895. С. 33–34.

Непролазная грязь вокруг усадьбы усиливала ее относительную изолированность, если не от государственной власти, то от соседей и чужого людского глаза. Хотя обитатели подворья и находились за высоким тыном, они всё же не чувствовали себя полными хозяевами на своей территории. Впрочем, право государственной власти вмешиваться во внутреннюю жизнь усадьбы имело свои нюансы. В военные времена влиятельные бояре менее церемонились с подданными, когда речь шла об исполнении царских указов. В мирное время ситуация бывала иной. В 1669 г., по мнению иверского стряпчего в Новгороде, его товарищ в столице мог себя чувствовать более защищенным: «На Москве стряпчей не один, будучи в стряпне, такова над собою бесчестья не знает, потому что на Москве приставы ждут за ворота, а здесь и ворота выломав, или через тын перелезут, да, взяв, сведут в приказ нечестно»⁹⁵. В столице такое «бесчиние» случалось реже. Так, во время московского восстания 1682 г. стрельцы-раскольники во главе с капитаном Григорием Фоминым добивались своего в спорном деле с Иверским монастырем и применили силу к его стряпчему Афонасию Шалашнику. Стрельцы говорили «невежливо» с самим патриархом и, «опороча патриарш указ, и меня, служебника вашего Офонку, взяли из церкви с подворья нечестью и роспрашивали в приказе надворные пехоты»⁹⁶.

Другая причина, по которой обитатели монастырской усадьбы не чувствовали себя хозяевами даже в собственных хоромах, состояла в том, что строитель, стряпчий и прочие насельники подворья жили здесь временно. Монастырское начальство, опасаясь злоупотреблений, через несколько лет меняло строителей и стряпчих в городах, дабы они не слишком вольготно чувствовали себя на одном месте, обрастая личными связями.

⁹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1440. Сст. 151.

⁹⁶ Там же. Д. 3109. Сст. 37–38.

Монастырский стряпчий приезжал на место своей службы вместе с семьей на нескольких подводах, привозил пожитки и кое-какой запас еды на первые дни. Стряпческие хоромы вряд ли были обустроены по-домашнему основательно, здесь всё было временно. Любые затраты на обустройство этого временного жилища могли вызвать подозрения в лихоимстве стряпчего.

Большую часть светлого времени стряпчий проводил вне дома: малая обустроенность домашнего жилища не располагала к долгому пребыванию в нем, люди больше находились на улице⁹⁷, но с наступлением темноты, напротив, искали убежища в доме.

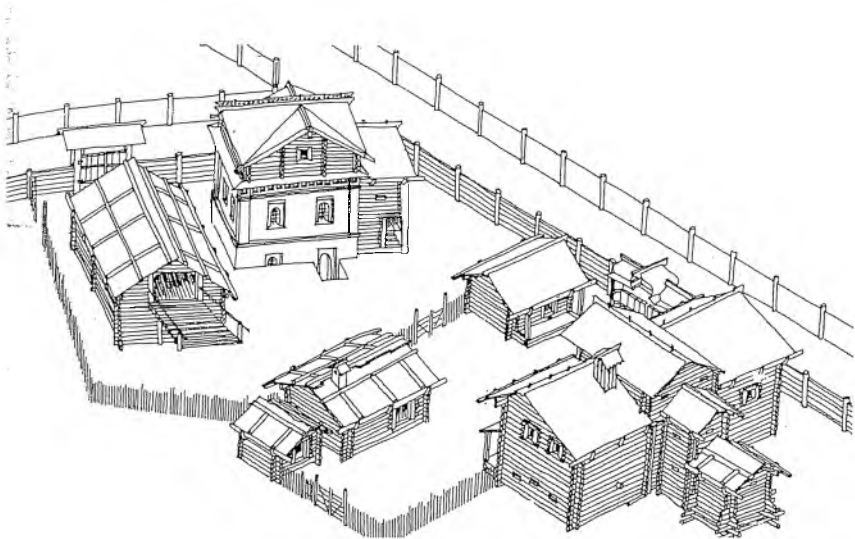
Сравним строительную историю иверского подворья в столице с аналогичным в Новгороде, где монастырь имел всесторонние интересы, поскольку он располагался на новгородских землях.

Подворье Иверского монастыря в Новгороде было основано на прежнем дворе дьяка Михаила Милославского. По данной от 20 июля 1654 г. дьяк Василий Шпилькин передал монастырю «на Михайлове улицы двор, что был дьяка Михаила Милославского, а после того тот двор был за сыном ево, за Андреем, по нем Михайлы и по родителех ево в вечной помянок <...> со всеми хоромы, и со всем дворовым строением, и с огородною землею, и с садом». По писцовым книгам 1632/33 г. размеры двора вместе с садом были весьма внушительны: вдоль по улице — 82 сажени, поперек — 60 сажень, т. е. 177 на 130 метров.

К времени передачи монастырю на подворье находились каменные палаты и ветхие деревянные постройки: «Две гор-

⁹⁷ Применительно к Франции этого времени см. об этом: *Мандру Р.* Франция раннего Нового времени, 1500–1640: Эссе по исторической психологии. М., 2010. С. 67.

ницы на подклетах с сенми ветчаны, а кровли огнили, да у тех же сеней повалуша ветчана, кроля огнила, да баня на рсжах ветчана, а на сенях два чердаки ветчаны, кроли огнили. Да во дворе же анбар ветчан, кроля огнила, да у ворот конюшня, а на той конюшне сушило ветчано, кроля огнила. Ворота створистые с калиткою, верей резные, а на воротах было покрыто бочкою, а ныне згнило и розвалилося. Во дворе ж стоит полата каменная, а под тою полатою погрсб да ледник каменные. У погрсба и у ледника по решотки большой железной затвористой, да у погрсба ж и у полаты двои двери железные болшие, да у полате у шти окон затворы железные болшие. А на полате чердак огнил, да перед полатою сени згнили и розвалились. Да подле полате конюшня, а на ней два сенника ветчаны, кроли огнили, да поварня ветчана, кроля огнила да ледник ветчан и обвалился без кровли» (ил. 1).

Ил. 1. Двор А.М. Милославского
на Михайловой улице в Новгороде.
Реконструкция В.А. Попова по описи 1654 г.

Новое монастырское подворье с садом простиралось «от церкви Михаила Архангела до церкви Отцов Святых» и граничило с дворами Лаврентея Негановского, подьячего Никиты Макарьева и посадского человека Мартына Перечника. В саду было 235 яблонь, 4 груши и осыпавшийся колодец. Сохранился список с данной от 20 июля 1654 г. с важным уточнением, что двор Михаила Милославского был расположен в Дубовском переулке⁹⁸. Очевидно, иверское подворье располагалось на пересечении Михайловской улицы и Дубовского переулка.

Далее по Михайловской улице на этой же стороне от берега Волхова к Никольскому собору шли: небольшое дворовое место новгородского дворянина Даниила Семенова сына Темкина, а сразу за ним — Шведский гостиный двор. Во время русско-шведской войны (1656–1658) иверские власти попытались закрепить за собой подворье неприятельской страны. 5 июля 1656 г. из Новгорода сообщали в монастырь: «Да о дворе мы князю Ивану Андреевичу (Голицыну, новгородскому воеводе. — П.С.) говорили, и он нам сказал, чтоб вам, государем, нам о том отписать, а вам бы отписать к великому государю святейшему патриарху. А писать бы вам в отписке, чтоб тот двор опальных немец свитцкого стряпчего Федолфа Иванова, а тот ныне стряпчей засажон на Москве, а жена ево и дети на ином дворе в Великом Новегороде засажоны, а тот двор стоит пуст. И писать бы вам в челобитье, что у вас в Новегороде монастырского подворья нет. А что вам князь Иван Андреевич рекся тот двор отдать на подворье, и о том же бы вам отписать. А князь Иван Андреевич хочет послать гонца о том деле к Москве вскоре с отписками, потому что градом ропчут о том дворе»⁹⁹.

⁹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 83. Сст. 1–2, 5–6.

⁹⁹ Там же. Д. 183. Л. 17. Описание двора подьячего Федора Пономарева, с которого иверские власти собирались взять на свое подворье деревянные хоромы, см.: Там же. Сст. 8.

Шведский двор был тогда отдан Иверскому монастырю, но в 1658 г., по окончании военных действий, возвращен шведским купцам. 4 апреля 1662 г. в Новгород была прислана царская грамота об отводе шведам их подворья «по-прежнему, а что у хором попорчено, и то указано починить». Иверский стряпчий Семен Урюпин съехал на Спасское подворье¹⁰⁰.

В 1659 г. Иверский монастырь пытался завладеть еще одним двором. В писцовой книге 1622/23 г. этот двор на Ильине улице записан как купленный гостем Ануфрием Васильевым Вязьмитиным у Кириллова монастыря — «На том же дворе 2 палаты каменные да у тово ж двора сад, а в нем 140 яблоней; длина двору и саду» составляла 36 сажений, в поперечнике — 32 ½ сажени. На этот двор претендовали также власти Троице-Сергиева монастыря, и иверским властям пришлось отступить¹⁰¹.

Дальнейшие усилия по расширению своей усадьбы в Новгороде Иверский монастырь сосредоточил на соседнем участке (между своим и Шведским двором), который принадлежал Д.С. Темкину. В 1655 г. он продал его новгородскому дворянину Ивану Алексееву сыну Татищеву. В купчей 8 октября 1655 г. есть описание: «Стоит тот мой двор на Михайлове улице, идучи в берег ис торгу, на правой стороне посторонь Немецкого двора свейские земли, а по другую сторону Святозерского монастыря подворья. А на дворе хором: горница с комнатою, да сени на подсенье, да повалуша на подклете, да житенка, да баня на реке. И со всею дворовою и огородною землею и с садом»¹⁰².

В 1669 г., в связи со смертью И.А. Татищева, иверские власти пытались купить этот двор у его вдовы. 12 марта 1669 г. из монастыря писали новгородскому стряпчему, чтобы он «приторговывал продажной двор, что подле монастырского

¹⁰⁰ Там же. Д. 697. Ст. 15.

¹⁰¹ Там же. Д. 424. Ст. 79.

¹⁰² Там же. Д. 121. Ст. 1.

подворья и с садом»¹⁰³. В ответ стряпчий писал в монастырь об этом дворе: «А ныне на нем две горницы, промеж ими сени и житница, баня, огород велик, сад нарочит со всяким дворовым строением, и ныне его продают». Стряпчий сообщил, что за него просят 150 рублей, «а буде возмут сто рублей, стоит того»¹⁰⁴. Монастырские власти согласились с такой оценкой: «А Татищев двор не упускай, торгуй со всем дворовым строением, и с огородом, и с садом, буде не возмут менши ста рублей, и ты давай, хотя и сто рублей, толко б того двора не упустить, потому что стало к нашему подворью смежно и кстати»¹⁰⁵.

Однако покупка в то время так и не состоялась. Год спустя стряпчий писал из Новгорода, что ему было велено покупать двор даже и за двести рублей, но «ныне тот двор справлен по грамоты за Петрову жену з детми, и тот двор ныне продают, а торгуют ево из земской избы, дают полтора ста рублей, а стоять-де будет на нем князь Ивану Коркодинову (второй новгородский воевода. — П.С.). И о том как вы, государи, изволите: купить ли или не купить»¹⁰⁶.

Этот двор отошел монастырю лишь три года спустя. 13 июля 1673 г. Василий Михайлов сын Неелов от имени своей сестры Мавры, вдовы И. А. Татищева, продал двор в монастырь для поминовения ее мужа и родственников: «А на дворе хором, — значилось в купчей: — две горницы на подклетах, а меж тех горниц сени на мыльне наземная, да анбар хлебной, да житница и с кровлями, и со всем пазовым запасом, и з городбою около двора и огорода ветхою». Размеры двора по писцовой книге 1622/23 г. составляли 30 на 33 сажени¹⁰⁷. Таким образом, вместе с купленным участком подворье протянулось по Михайловской улице уже на 220 метров.

¹⁰³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1440. Сст. 21.

¹⁰⁴ Там же. Сст. 26 об.

¹⁰⁵ Там же. Сст. 29–29 об.

¹⁰⁶ Там же. Д. 1588. Сст. 62.

¹⁰⁷ Там же. Д. 2216. Сст. 1, 10.

У Михайловской церкви подворье граничило с двором митрополичьего сына боярского И.И. Бухвостова, «которой живет за нашим монастырским садом». В июне 1671 г. он «беспрестанно» говорил иверским старцам, «что-де ево двор потопило из нашего монастырского саду, что у церкви Михаила Архангела, колодезною водую, что засорился во многие годы, и проходные трубы сыскать в реку немочно, потому что засыпало церковною каменною плитою и кирпичем, и вода тем колодезем из многих погребов идет поверх земли, и саду монастырскому шкоты много учинило <...> и мастера не имуютцы»¹⁰⁸.

На иверском подворье были две каменные постройки: прежние палаты дьяка Михаила Милославского и каменный погреб. В расходной книге 1668 г. упомянуто, что старые деревянные двери «х каменному погребу» были обиты железом и здесь же установлена железная решетка¹⁰⁹.

В каменных палатах и в погребе хранили самые ценные вещи. В 1670 г. в связи с кражей его имущества стряпчий П. Марков упомянул: «Апреля к 11-му числу в ночи на монастырском подворье неведомые воры погреб и под полату замки сломали и отомкнули. И питья монастырского и иных запасов и судов вынесли много <...> И здесь, государи, в Новгороде еженочи крадут и по дворам ходят, а где крепок двор, камнем бросают по хоронам»¹¹⁰. Как видим, ни высокий забор, ни железные замки и решетки не обеспечивали безопасности обитателей усадьбы.

Год от года подворье росло и отстраивалось. Вокруг каменных палат возникали новые и заменялись ветхие деревянные жилые и хозяйственные постройки. В ноябре 1661 г. с подворья продали соседу — подьячему Ивану Козыреву конюшню за 10 рублей¹¹¹. В расходной книге 1668 г. кроме

¹⁰⁸ Там же. Д. 1813. Ст. 80–81.

¹⁰⁹ Там же. Оп. 2. Д. 43. Л. 24.

¹¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1588. Ст. 66–66 об.

¹¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 1011. Л. 1 об.

палат и погреба упоминаются: воротняя изба, баня, пивоварня, сарай¹¹². В этом же году во властелинской келье, расположенной в каменной палате, была переделана печь¹¹³.

Каменная палата была спасением во время частых пожаров в Новгороде. В 1672 г. стряпчий П. Марков доносил, что 20 июня «подле нашего подворья церкви каменные обгорели, а деревянные пределы совсем згорели, и дворы, и земская изба, и александровское подворье, и что подле нашего подворья протопопа Феофана, и иные многие дворы погорели и запасы, что у кого унесено в наш сад, и тын разметан по саду нашему и иные хоромы. А наш двор Бог миловал, толки без меня моему горошнику учинилось пакость, как в полату носили»¹¹⁴.

Еще один большой пожар случился в мае 1674 г. Стряпчий Венедикт Самсонов оставил нам эмоциональное описание этого несчастья: «Да к 19-му числу в полночь Бог Великий Новгород посетел. Пожар был великой по ветру и против ветра, и постронь ветра, все горело, аки суки. От государеву саду улица Славная по обе стороны горело дворы, и сады, и мосты, только за помощью Божию от немецких дворов дьяка Федора Тютчева двор, да дошел до Ивана Козырева. И Иван посулил стрелцом 50 рублей да бочку вина, другую пива. И у хором верхи сломали да парусами кинули, и в парусы, и по стенам трубами воду лили безпрестанно. И боярин сам трижды приезжал. И Бог милостию своею укрутит гнев свой. А есть бы Иванов двор не устоял, и вся наша улица не устояла; где сажон пятьдесят пустые промешки, и то хоромы не устоят, загорятца»¹¹⁵.

Жилые и хозяйственные помещения двухэтажных каменных палат с хозяйственным подклетом можно представить

¹¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 43. Л. 34, 38 об., 39 об.

¹¹³ Там же. Л. 28 об.

¹¹⁴ Там же. Д. 2004. Ст. 48.

¹¹⁵ Там же. Д. 2307. Ст. 91–91 об.

себе по письму старца Аркадия от сентября 1675 г. Аркадий сообщал о том, что на подворье по владычному указу поселился митрополичий дьяк Андрей Сназин, «а я ныне живу под полатою, где запасы, а верхнюю полату починиваю». Позднее монастырские власти прислали мастеров, которые «полату верхнюю починили и печь зделали. И я ныне буду жить в верхней полате». Митрополит предложил Аркадию временно переехать на владычин двор, однако иверский старец отказался бросить подворье: «...от всяких запасов и от приказных дел жить у владыке нельзе»¹¹⁶.

Несколько дней спустя стряпчий В. Самсонов тоже выразил свое отношение к тому, что на подворье живет посторонний человек, а ему самому приходится жить в тесноте: «Стеснение великое, сам мотаю в подызбицы — и тесно и ниско, в день вон выйти стыдно, а ночью страшно, притулья никакова нет, жили в них, в обоих подызбицах, посадские люди мужиченки бедныя <...> И двором ввечеру или изутра для переговорки к строителю в полату просить нельзя, собак и медведей двор полон»¹¹⁷.

Территория монастырской усадьбы мыслилась как часть пространства обители, посему здесь следовало соблюдать приличные иноческому житию правила. В 1674 г. новгородский боярин напрашивался пообедать на монастырском подворье: «Хотя б-де побыли да в саду погуляли, и то б вам честь и слава святому месту». В ответ известный своим беспробудным пьянством стряпчий В. Самсонов не без лукавства отвечал: «Нарядных и заводных у нас питей никаких нет, питаемся квасом простым»¹¹⁸. В 1680 г. во время отъезда стряпчего Афонасия Шалашника из Новгорода его дети устроили на подворье пьяный разгул: у них «девки и жонки на подворье песни поют <...> и играют оне игриса до самые заутрени <...>

¹¹⁶ Там же. Д. 2421. Сст. 49.

¹¹⁷ Там же. Д. 2449. Сст. 62–62 об.

¹¹⁸ Там же. Д. 2703. Сст. 117–118.

и нам от добрых людей огласка». Когда же старцы сделали юношам замечание, те принялись гоняться за ними с ножом и саблей¹¹⁹. Именно «огласка» и волновала старцев в первую очередь, поскольку они стали делать замечания не тогда, когда «жонки и девки» пришли на подворье, а позднее, когда их пьяные песни тревожили соседей до самой заутрени. Подобные скандальные случаи, конечно же, нарушали правила благочестия, но всё же были скорее исключением.

Эти же правила распространялись и на характер построек на усадьбе. Как и в Москве, обитатели новгородского подворья настойчиво хотели его украсить. В ноябре 1684 г. монастырские власти послали выговор на новгородское подворье: «Деньги пошли у вас в хоромное строение и в гороженье саду, что на подворье. А по нашему указу тех садовых денег ни в какие иные расходы держать вам не велено, опроче гороженья садов, а вы чините наши указы ни во что и монастырскую казну тощите, куда вам не указано, и строите чердаки, чево вам не велено. И на монастырских подворьях нигде, чево не доведетца, что будто на боярских дворах построил чердак, а однако ломать будет которое не в чин, а монастырская казна тощитца напрасно. У нас и без чердаков заведено самое нужное строение»¹²⁰. Высокий чердак был выразительным знаком престижности городской постройки. Как и в столице, строитель новгородского подворья на свой страх и риск без позволения монастырского начальства тратил казенные деньги на благоустройство усадьбы. Даже временность послушания в Новгороде не лишала строителя желания устроить жилье, как будто оно было его собственным. Здесь стоит отметить сходство в поведении строителей в Москве и Новгороде.

Внутренний быт новгородского подворья можно представить себе по его описаниям в связи с передачей дел, а вместе с ним и имущества от одногостряпчего другому. 14 октября

¹¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2889. Сст. 3–3 об.

¹²⁰ Там же. Д. 3368. Сст. 104.

1669 г. стряпчий П. Марков сдавал дела старцу Маркелу. Для описания имущества пригласили стороннего человека — площадного подьячего Иева Савинова. Описывали, разумеется, то, что подлежало ведению стряпчего: «Во властелиной келье образ Пречистой Богородицы умиления да образ Никиты и Иоанна новгородцких чудотворцов, стопа бумаги пищей, книга государев указ Соборное уложение печатная. Да в келье четыре окончины в окнах; два стола, доски дубовые большие; две скамьи больших; заслон железная»¹²¹.

Три года спустя опись имущества на подворье при очередной передаче дел зафиксировала значительно больше предметов и деталей внутреннего обихода (см. Приложение. № 5). В 1669 г. стряпчий П. Марков оставлял своему преемнику лишь стопу бумаги, а в 1673 г. — целое хозяйство. Вряд ли в 1669 г. на подворье не было замков, бочек и прочих необходимых в хозяйстве вещей. Появление внушительного списка этих предметов в описи 1673 г. свидетельствует, скорее всего, о том, что от строителя они перешли в ведение стряпчего, сфера материальной ответственности которого возросла.

Стряпчий использовал в своем собственном хозяйстве монастырское имущество, и в этом смысле был постояльцем. Оно находилось в разных местах, и при описании 1673 г. припоминали еще и еще один предмет, их вносили в конец перечня, заканчивавшегося «корытом платанным», о котором едва не забыли.

Примечательно появление в описи 1673 г. особой кельи стряпчего, которой в 1669 г. еще не было. Очевидно, тогда стряпчий жил во «властелиной келье», и покидая ее, оставил там стопу бумаги и печатное издание Соборного уложения. К 1673 г. произошла перестановка мебели: один стол из этой кельи, — по-видимому, похуже, перенесли в приворотную избу, а другой, с ящиком для бумаг, — в келью стряпчего. В ней появился и новый круглый стол, удобный для

¹²¹ Там же. Д. 1440. Л. 115.

коллективного составления документов. В обоих описаниях нет никаких письменных принадлежностей и личных вещей, которые, надо полагать, считались собственностью стряпчих.

К 1684 г. на подворье построили новые деревянные хоромы, а старые разобрали и перевезли в Ляцкий монастырь. 18 ноября плотникам заплатили за то, что они «подрубили» в этом монастыре кельи, которые были «перевезены с новгородского подворья»¹²². Весной 1687 г. иверские старцы заняли в Новгороде известь у строителей Знаменского собора на Ильине улице «х каменному строению на подворье», отчего работы по строительству Знаменского собора остановились¹²³. Надо думать, объем каменных строительных работ на иверском подворье был значителен.

Подворье пострадало во время пожара 20 ноября 1690 г. Об этом сообщал в монастырь живший по соседству подьячий Иван Козырев: «Учинился у нас на Михайлове улице пожар от хором священника Федора. И от запаления на подворье вашем келья, и на полате верх, и ворота, и конюшня, и погреб деревянной погорели. А что было оставлено в келье у строителя Виктора монастырские дела и иные вещи, и то я все, оставя свой домишко, опустил в каменной погреб, и вина бочка также. И под полатою хлебные запасы, и соль, и иная рухлядь молитвами твоими святыми по се время все в целости. А с воротние кельи только верх сломали, а стряпческие новые кельи и анбар потому ж в целости. И тою воротную келью и около подворья нанял я собрать, а и у меня половину дворишка розрыли. Да буди воля Божья»¹²⁴.

После пожара началось восстановление сгоревшей Михайловской церкви, к приходу которой было приписано подворье. В ходе работ отчетливо проявилось значение иверской

¹²² Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 161. Л. 30.

¹²³ Там же. Оп. 1. Д. 3614. Ст. 120.

¹²⁴ Там же. Д. 3982. Ст. 4–5.

усадьбы — крупнейшего дворового участка в этой части Михайловской улицы. Живший по соседству стряпчий новгородского владыки Андрей Сназин тоже участвовал в организации работ. В феврале 1691 г. он писал из Москвы в Иверский монастырь, напоминая об указе новгородского митрополита построить на средства обители колокольню Михайловской церкви. Андрей Сназин упомянул: в 1690 г. «то колокольное строение остановилось для того, что те церкви Архангела Михаила и пределы кровли и главы погорели <...> А ныне за помощью божиею те погорелые церкви покрыты, и главы, и все обветшалое вновь построено, и х колокольному каменному строению припасы все к делу ныне изготовлены». Владычный стряпчий торопил нанимать на строительство михайловской колокольни каменщиков, работников и плотников.

В марте 1691 г. А. Сназин выразил недовольство тем, что иверские власти наняли для строительства лишь двух каменщиков и четырех работников; «и теми людьми и разчинать нечего», — писал он. По его расчетам, работы обойдутся монастырю в 30 рублей, «а мое, грешнаго, кирпич, и известь, и железо, а иных прихожан, кроме вас да меня, последнего у того храму, хто б подал на строение, нет. А ваше подворье мерю будет близ половины улицы»¹²⁵.

Статус Валдайского Иверского монастыря был зримо воплощен в облике его усадьбы в Новгороде. Двухэтажные каменные палаты возвышались над соседними участками, застроенными деревянными хоромами. Владычный стряпчий несколько преувеличил размеры иверского подворья, но оно действительно выделялось среди соседей по улице.

Пожар подтолкнул местные власти к пересмотру планировки Торговой стороны. 11 апреля 1692 г. воевода князь Б.И. Прозоровский осматривал место для строительства каменного гостиного двора: «Многие улицы мерил, и ваше властинное новгородцкое подворье от Немецкого двора

¹²⁵ Там же. Д. 4116. Сст. 1–2, 4, 5.

до церкви Михаила Архангела измерили. И по всем местам и круг монастырского вашего двора сам боярин ездил и приговаривал строить гостин двор на старом месте». Однако гость Семен Маленкой с посадскими людьми настаивали на том, чтобы гостиный двор строить именно на иверском подворье. 12 апреля гость «после боярина подворье все перемеривал, и намерение их такое: будет-де инде где строить, и рук прикладывать не хотят, а чтоб быть двору построеноу на вашем властином подворье, за руками скаски все дают. А места много и без вашего, государи, подворья, — писал стряпчий, — да гость Семен с посадскими людьми крепко настают, чтоб их лавки и дворы ни один бы срыт не был, все бы в целости». Дьяк Иван Шапкин по наговору иверского стряпчего отсоветовал воеводе строить на монастырском подворье, и боярин запросил указа из Москвы¹²⁶.

Еще более обстоятельно результаты обмеров князя Б.И. Прозоровского изложены в грамоте иверских властей в Москву: воевода с посадскими людьми, осмотрев монастырскую усадьбу в Новгороде, «говорил, чтоб наши хоромы срыть и подворье совсем очистить, а сад высечь, а на том подворье и где сад, устроить гостиной двор и каменные лавки. И гость Семен-де Маленкой настали, чтоб на нашем подворье, и где сад, гостиной двор построить. И подворье, и сад после боярина Семен Маленкой с посадскими нарочитыми людьми перемеривал, и непрестанно-де боярину докучает, чтоб гостиной двор строить на нашем подворье, а за посадских бьет челом, чтоб подле гостиного двора и их лавок у новгородцов не ломать»¹²⁷.

Две недели спустя иверские власти сообщили в Москву новые детали этого дела: воевода послал царям чертеж и указал три возможных места для строительства нового каменного гостиного двора: «А в чертежю написал Немецкой двор и монастырской наш сад и подворье, а по другую сторону

¹²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4211. Сст. 46, 55.

¹²⁷ Там же. Д. 4222. Сст. 15.

(Михайловой улицы. — П.С.) — другой Немецкой двор, а третье место написал — старой гостиной двор. И в отписке-де написал, чтоб Немецкой двор и наше подворье, и сад взять под гостиной двор. А как-де другой двор взять Немецкой или старой гостиной двор, и на тех-де местах много будет шкоты новгородцом и многое-де число дворов и лавок ломать будет»¹²⁸.

Иверский монастырь пытался отстоять свое подворье, ссылаясь на то, что оно закреплено за монастырем по жалованной грамоте вселенских патриархов 1667 г.: «А что к Немецкому двору сад и где построены стряпческие хоромы, и тот сад куплен у Татищева после жалованной утвержденной грамоты. И буде станут на нашем подворье гостиной двор строить, и в то время церковь Всех Святых каменная и иные церкви разве станут ломать», — недоумевали иверские власти¹²⁹.

Пока в Москве решали, на каком месте строить новый гостинный двор, случился очередной пожар, который опустошил значительную часть Торговой стороны. В письме из Новгорода от 28 ноября 1692 г. сообщали, что «канон Знамениева дни в шестом часу ночи в последней четверти загорелось подле гостя Семена Маленково, и гость выгорел, и многие посадские люди погорели. А ряды, и анбары, и рыбной, и мясной ряд, что было в Новгороде рядов, и лавок, и анбаров, не осталось ничего, и Арсеньев монастырь выгорел, шесть церквей згорело. А ваше властное подворье Бог сохранил, а горело все во близости, а горело с Лубяницы до гробу Арсения 11 часов»¹³⁰.

Уже 1 декабря воевода князь Б.И. Прозоровский заявил иверскому стряпчему, «чтоб ныне для нужного времени на время быть на монастырском вашем властном подворье в каменной полаты таможни. И о том хотел со владыкою государем, переговора, писать к Москве. Да и отказать, чтоб не быть тут невозможно, — писал стряпчий, — толко думают

¹²⁸ Там же. Сст. 24.

¹²⁹ Там же. Д. 4211. Сст. 48–49.

¹³⁰ Там же. Сст. 153.

на Немецком дворе на Любском, и ныне там и сидят, и лаят то, что на Немецком дворе, и ошуютца (т. е. отвергают. — П.С.)»¹³¹.

В январе 1693 г. через Иверский монастырь в Новгород проезжали боярин князь А.П. Прозоровский с княгиней Анной Юрьевной. Иверские власти, воспользовавшись случаем, били челом, дабы боярин упросил своего родственника новгородского боярина «о подворье, чтоб гостину двору тут не быть. И оне реклись и говорили милостиво, что-де то учиним, что тут двору гостину не быть, и лавки вели снести»¹³².

Однако новгородцы стояли на своем. В марте 1693 г. «все посадские люди написали челобитную, чтоб строить гостин двор на монастырском вашем, государи, подворье и на Немецком дворе, и для того челобитья едет к Москве нарочно челобитчик»¹³³. В июне того же года гость Семен Гаврилов «говорил, будучи в ряду, добрым людем: ныне-де на иверском подворье зиму гостин двор простоял, а как-де еще простоит другую зиму, будет-де и вечно стоять тут, какое-де им утеснение». Однако с точки зрения иверских властей дело обстояло иначе: «Ныне никого на гостине дворе нет,— писали с новгородского подворья,— ни один человек в лавке не сидит, лишень только место занято да утеснение великое и яблоком шкота, зимою на яблонях соломы есмь навешали на весь сад. И тем утеснением мочно бить челом, и полаты и деревянные хоромы все отняли <...> А в переулке в Михайловском з большой улицы зделаны ныне мосты в пять бревен, а делал гость Иван Семенов до самого монастырского нашего подворья»¹³⁴.

Построенные на подворье торговые лавки действительно стеснили его обитателей. В ноябре 1693 г. иверский стряпчий С. Семенов просил прислать из монастыря «маленкую

¹³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4211. Сст. 159.

¹³² Там же. Д. 4320. Сст. 16.

¹³³ Там же. Сст. 20.

¹³⁴ Там же. Сст. 62.

печь кругленкою», поскольку он «приделал к стряпческим хоромам комнатку на мшенике маленькою для монастырских ваших писем и крепостей. А то детца негде было: хто ныне приедет от вас, государей, братья или кому укажете стоять все в одной горнице, и писать или какие дела делать, отнюдь покою не было, и всякие люди приходят и писма перебивают, чего кому и ведать не довелось»¹³⁵.

8 сентября 1695 г. новгородский строитель расплатился с работниками, которые «на подворье в каменной полаты лавки и против той полаты в новых кельях, где таможня была, подволоку, и стены, и лавки, и мост, и в чуланех, и крыльца вымыли начисто»¹³⁶. 14 сентября купили гвоздей «для прибивки полок, как переходили в новые кельи жить, где была таможня»¹³⁷. Таким образом, она была убрана с подворья не позднее названной даты.

В итоге Иверский монастырь отстоял свою новгородскую усадьбу, после чего здесь началась очередная перестройка. В конце февраля 1696 г. из Новгорода писали в монастырь: «А на монастырском, государи, вашем подворьи лавки все очищены, тына никакова нет». Строитель предложил «стряпческие хоромы перенести, чтоб оне были на одном дворе и дворового прясла займает много, однако же и двор строить на то место, где стряпческим хоромам быть, стена надобед же. И монастырскому вашему саду от стряпческих хором утеснение, по обе стороны заняло земли много. А как те хоромы в одном дворе будут, и та земля сойдетца в сад»¹³⁸. В ответ из монастыря велели «сад, что на подворье, от двора отгородить тыном» и до особого распоряжения пока кроме тына ничего не строить, а для строительства «келей и конюшни, и всего двора» обещали прислать из монастыря старца с деньгами¹³⁹.

¹³⁵ Там же. Сст. 190.

¹³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 311. Л. 22.

¹³⁷ Там же. Д. 320. Л. 4.

¹³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 4709. Сст. 25.

¹³⁹ Там же. Сст. 28, 30.

В июне того же года новгородский стряпчий Лукьян Никитин просил поскорее прислать в Новгород каменщиков и плотников, поскольку он с женой и детьми живет «под монастырскою вашею полатою с великою нуждою, а жить стало негде». Одновременно стряпчий сообщал, что уже закуплен за 60 рублей лес на «дворовое строение»¹⁴⁰. В следующем месяце из Новгорода писали — «построили перед каменным палатам деревянных келей немного повыше красных окон», но работа замедлилась из-за нехватки работников. В августе 1696 г. стряпчий Л. Никитин жаловался: «...другонадцатую неделю скитаюся в шалаши, а жить стало негде» и просил прислать плотников «ради достройки келей» и каменщиков «ради починки полат», поскольку присланные из монастыря каменщики «не умеют ничево, и по се число монастырская полата не починена, только зделана дверь»¹⁴¹.

Неустроенность жизни монастырской городской усадьбы лишала его обитателей привычной защиты. 30 августа 1696 г. стряпчий иверского подворья подал челобитную на посадского человека В.Н. Коровина, который «со многими незнаемыми людьми пришед к домишкому моему, женишко мое и детишек бранили и безчестили и от хоромишек моих заборы мои тынные розломали своим насилством и озорничеством». В.Н. Коровин самовольно поставил «на проезжем нашем монастырском переулке хоромы и тыны»¹⁴².

В сентябре с подворья просили прислать столяра для отделки новых хором, поскольку у них «стола единые нет», а также оконничного мастера «в новые кельи для делки окончин». Сверх того сообщали, что присланная из монастыря в новые кельи печь «кафлями плоха», и запрашивали еще одну — «в другую келью круглую печь, а ныне те кельи к Покрову все в отделке будут»¹⁴³.

¹⁴⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4709. Сст. 76.

¹⁴¹ Там же. Сст. 82, 86–86 об., 89.

¹⁴² Речь шла о безымянном переулке — «которой переулок проезжей с Тащицева двора» (Там же. Д. 4608. Сст. 217 об.).

¹⁴³ Там же. Сст. 114.

В апреле 1697 г. из монастыря велели подготовить в Новгороде «новые деревянные кельи» к приезду наместника¹⁴⁴. Монастырские крестьяне должны были поставить в Новгород еще 667 бревен «ради хоромного строения»¹⁴⁵, а также «на байню струб» и 200 бревен на забор¹⁴⁶.

Строительство затянулось: хоромы для стряпчего еще не были вполне пригодны для жилья, и в августе 1697 г.: «мост мостили в новых деревянных хоромах», «избу домшили и нарубливали», «рубил сени», «под черною избою копали подвалье». В конце августа расплатились с плотниками, поставившими «на подворье хоромы новые деревянные»¹⁴⁷. В том же месяце из Новгорода просили прислать «в стряпческие хоромы печь круглую, потому что хоромы не гораздо великие». Лишь в октябре печи были посланы из монастыря в Новгород с повелением «в новых кельях и в полаты <...> кафляные печи скласть без мотчания»¹⁴⁸. Однако еще в марте 1698 г. из Новгорода просили «прислать в стряпческие хоромы новые печку»¹⁴⁹.

Деревянное строительство продолжалось в октябре 1697 г., когда в хоромах были починены 11 оконниц, сделаны две новых и куплены железные скобы к окнам и две оконницы, а также «курицы», «на чем потоки класть»¹⁵⁰.

Обращает на себя внимание запись в расходной книге, датированная 19 октября 1697 г. о покупке двух окон «в стряпческие хоромы в новую избу». Эта запись почернена: вычеркнуто слово «скляных» и дописано, что они предназначались не специально для стряпчего, а неопределенно — «в новые

¹⁴⁴ Там же. Д. 4797. Сст. 64.

¹⁴⁵ Там же. Д. 4806. Сст. 19. Бревна поставлены не были, и с крестьян взяли за них деньгами 16 руб. (Там же. Д. 4797. Сст. 73).

¹⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 374. Л. 8–8 об. О закупке разных лесных припасов к этому строительству см.: Там же. Л. 8–15 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 20–20 об., 29.

¹⁴⁸ Там же. Оп. 1. Д. 4830. Сст. 116, 130.

¹⁴⁹ Там же. Д. 4860. Сст. 39.

¹⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 426. Л. 15 об. — 19.

хоромы в черную горницу»¹⁵¹. Вероятно, составитель расходной книги строитель старец Арсений хотел избежать возможного упрека со стороны начальства в том, что даже в черной избе при стряпческих хоромых оба окна были стеклянные, а не слюдяные. Главные окна в хоромых были из стекла: 20 ноября купили «в новые деревянные хоромы в окна красные 6 оконниц стекольчатых»¹⁵².

В октябре 1697 г. два каменщика «на подворье в новой черной деревянной горницы клали печь», а «в новой деревянной байни кожих над печкою приделывали»¹⁵³. Часть строений покрыли дранью¹⁵⁴.

В мае–июне 1698 г. на подворье достроили конюшню, покрыв ее «скалами» и сверху дранью, а также вторую «келейку, что возле конюшни». В двух «келейках у конюшни» плотники сделали «нутро», — очевидно, там предстояло жить монастырским слугам. В июле плотники начали ставить забор вокруг подворья: «17 прясел тыну»¹⁵⁵.

В июле 1699 г. из монастыря прислали в Новгород двух каменщиков «для починки и отбели палаты и печей». В ответ попросили прислать еще двух каменщиков — «в новых избах, что поставлены ныне у ворот, скласть печи и новые починить»¹⁵⁶.

В августе 1699 г. построили новую воротную избу, покрыли ее скалами и дранью, а над конюшной «вновь» поставили келью¹⁵⁷. В «новых хоромых», возведенных два года тому назад для стряпчего, сделали новые печи и пол, а также заку-

¹⁵¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 426. Л. 19.

¹⁵² Там же. Л. 32 об.

¹⁵³ Там же. Л. 19 об.

¹⁵⁴ 23 октября было куплено «с плотов драни 650 к хоромному строению», 3 ноября еще 400 драниц, а в январе 1698 г. еще 500 штук (Там же. Л. 20 об., 23 об., 44 об., 45 об.).

¹⁵⁵ Там же. Л. 61, 63 об., 66, 67 об. 70 об., 72, 75.

¹⁵⁶ Там же. Оп. 1. Д. 4938. Ст. 152, 170, 201.

¹⁵⁷ Там же. Оп. 2. Д. 432. Л. 4 об., 5, 6 об., 7 об., 11, 14.

пили материалы для украшения входа: к двум дверям «в новое строение к стряпческим крыльцам» (здесь устроили «два крыльца»)¹⁵⁸. В мартовской записи 1700 г. упомянут амбар, «что под церквьем»¹⁵⁹, — по-видимому, обитатели подворья использовали подцерковное помещение Михайловской церкви для своих целей.

В начале Северной войны на подворьях Иверского монастыря в Москве и Новгороде не проводилось значительных строительных работ. В 1702 г. была составлена опись подворья, очевидно, в связи с тем, что оно было взято «на великого государя на дворец, и ныне в тех хоробах стоят приезжие государев дворцовой дьяк и иные государевы люди. А погребы заняты з государевым питьем и поварня занята же». Описание охватило постройки и имущество усадьбы, которые на время передавались в чужие руки (см. Приложение. № 6).

Следующее описание составили в 1705 г. Оно более подробно и, возможно, является описью возврата подворья в ведение монастыря. Эта опись частично опубликована А.А. Секретарь без указания на то, что издается не весь документ; по этому фрагменту В.А. Попов сделал реконструкцию усадьбы¹⁶⁰ (см. ил. 2). Ниже опись публикуется целиком (см. Приложение. № 7)¹⁶¹.

Сравнение описей 1702 и 1705 гг. показывает, что первая служила основой для составления второй: многие места совпадают дословно. Вместе с тем опись 1705 г. содержит ценные добавления, позволяющие установить изменения, которые произошли за три истекших года.

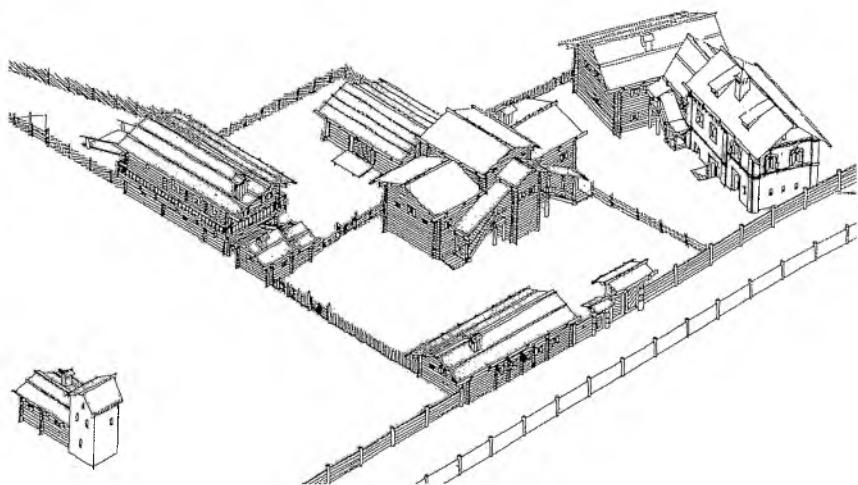
Опись 1705 г. фиксирует утраты на подворье после проживания здесь государева дворцового дьяка: в каменной палатке «стол дубовой ветхой взят на государев дворец». Опись 1702 г.

¹⁵⁸ Там же. Л. 16, 16 об., 17, 19, 26 об. — 27, 29 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 57.

¹⁶⁰ *Секретарь Л.А.* Подворье Валдайского Иверского монастыря в Новгороде. С. 266, 269–270.

¹⁶¹ В нашей публикации исправлены некоторые неточности предыдущей.

Ил. 2. Подворье Валдайского Иверского монастыря
на Михайловой улице в Новгороде.
Реконструкция В.А. Попова по описи 1705 г.

не учитывала дверей, крюков и печей. В 1705 г. этим элементам внутреннего убранства было уделено самое пристальное внимание. Очевидно, иверские власти особенно тщательно фиксировали то, что можно было выломать и унести с собой.

Опись 1705 г. представляет иверскую усадьбу в Новгороде в годы его наилучшего устройства. В каменной палате учтены восемь стеклянных окон с железными решетками, изразцовая муравленая печь, трое дверей на железных скобах, в том числе на одной двери — внутренний «личинный» замок. За каменной палатой стояла деревянная келья «с перерубом о двух жилах, а в них двенадцать окошек, окончины стскольчатые». В двух помещениях деревянной кельи были две «мурамленные зеленые» печи с каменными трубами и стоял дубовый стол «столярной работы». Между каменной палатой и деревянными кельями находились деревянные сени с двумя чуланами, а в них «красные» окна со стеклянными

окончинами. Всего в деревянных келье и сенях было десять дверей «на железных завесах». Под сенями был погреб с ледником и двойной створчатой дверью. Палата, келья и сени были крыты «дранью на скалбах», а крыльцо — тесом.

Против ворот стояли «стряпческие хоромы деревянные новы», они состояли из белой светлицы, черной избы и сеней между ними. Над сенями находился чердак, в сени стряпческих хором вели два крыльца. В хоромах стряпчего указано одиннадцать «красных окончин», а в черной избе — три волоковых окна. В белой светлице стояли «стол дубовой столярной работы» и «печь круглая образчатая цветная»; в черной избе печь кирпичная. Всего в стряпческих хоромах было пятнадцать дверей на железных скобах с защелками.

Приворотная изба, сени и хлебня «рублены в одной связи новые поземные». Во всей связи было семь «красных» стеклянных окончин и пять волоковых окон. Внутри в приворотной избе и в хлебне находились два стола и две кирпичные печи, в том числе в хлебне — с трубою. Крыта вся связь «дранью на скалбах в потоки».

В глубине подворья размещалась рубленая конюшня на рубленном же сарае с тремя чуланами, «а круг сарая и круг чуланов перила». «У конюшни в исподе» находилась «келейка» с муравленой изразцовой печью. В келье и чулاناх отмечено семь «красных» стеклянных окон и одно волоковое. В конюшни и на сараях описано двое створчатых дверей, а в келье и чулاناх — еще шесть дверей «на железных завесах с защепками и скобами железными». Конюшня и сарай запирались висячими замками «с личины». Передний и задний чуланы сарая запирались внутренними замками. В переднем чулане стоял «столик меновой столярной работы». Вся постройка была недавно крыта «дранью на скалбах».

Рядом с конюшной стояла поварня с ветхой избушкой, в которой указаны зеленая кафельная печь и два «окошка красные». Это строение было крыто дранью.

За стряпческими хоромами находился деревянный погреб с ледником, над погребом стоял крытый дранью амбар. Двери у погреба и амбара были железные. Рядом с ледником и погребом для нужд стряпчего стоял новый сарай под дранью для хранения телег, саней и сена.

На подворье находились два огорода, «что бывали преж сады», выгоревшие в пожарное время. На одном из огородов размещалась квасоварня с двумя горнами, а рядом баня. Вокруг всего подворья и огородов стоял новый забор, поставленный в 1704 г.

Очередную перепись имущества на подворье провели в 1710 г. после смерти стряпчего Ивана Федорова. Документ зафиксировал увеличение имущества, которое накапливалось на протяжении десятилетий от одного стряпчего к другому. Среди прочего описана посуда стряпчего Степана Семенова сына Лапезы, который бежал с подворья в Польшу, оставив часть своего добра. Некоторая посуда была подписной «на имя Иверского монастыря», прочая без подписи¹⁶².

В 1712 г. Иверская обитель была приписана к Александроневскому монастырю, после чего подворье в Новгороде потеряло свое прежнее значение. 14 августа 1713 г. стряпчий был отозван отсюда, и вместо него в усадьбе остались подьячий, рассыльщик и служебники, «которые жили без стряпчего на том дворе безсходно для караулу двора и крепостей». 25 февраля 1714 г. купили две «коробьи» для отсылки в монастырь посуды и бумаг с новгородского подворья. 18 марта того же года подьячему Никифору Алексееву велено было ехать с остальными «делами и крепостями» из Новгорода в Петербург¹⁶³.

¹⁶² По краям оловянной посуды «писано по складом на имя бывшего стряпчего Степана Семенова сына Лапезы»: это был целый столовый сервиз — 2 больших блюда, 5 средних, 5 малых, 10 больших и 15 малых тарелок, 2 кружки «с покрывки» и 2 кунгана (РГИА. Ф. 815. Оп. 1. 1714 г. Д. 63. Л. 19 об. — 20 об.).

¹⁶³ Там же. 1714 г. Д. 26. Л. 8 об., 10–10 об., 11.

В начале мая 1714 г. оставшийся в Новгороде иверский иеромонах Варлаам отчитался перед архимандритом Александро-Невского монастыря о фактической ликвидации своего подворья. «Каменные полаты и з деревянную звязью, с погребы» он отдал на оброк за 5 рублей ежегодно «москвитину Ивану Тиханову сыну Посошкову» — будущему автору известного сочинения «О скудости и богатстве»¹⁶⁴. Изба «против воротней избы» и сама она, а также «монастырской большой огород» были сданы на оброк монастырскому крестьянину Л. Федорову. В «черную избу» напротив стряпческих хором иеромонах пустил жить дворника Л. Семенова, которому велел надсматривать над всем подворьем. «Другой огород, которой к государеву дворцу» достался под дворовые места подъячому приказной палаты Фоме Герасимову и жене бывшего монастырского дворника Авдотье Михайловой. Погреб «за стряпческими хоромами» получил в оброчное владение митрополичий подъячий Иван Анисимов. Таким образом, оставляя подворье за собой, александровский архимандрит Феодосий прекратил на нем всякую распорядительную деятельность в интересах Иверского монастыря.

Оставшуюся часть подворья планировали отдать под строительство госпиталя, в связи с чем иеромонах Варлаам запрашивал высокое петербургское начальство: «А о постройки шпиталя на большую улицу ставить лицом или поперег к церкви, о том что указать повелишь»¹⁶⁵. 4 августа 1714 г. иверский наместник испрашивал у архимандрита Александро-Невского монастыря Феодосия распоряжения, как завершать отделочные работы на новгородском подворье «в новопостроенном шпитале: мосты кирпичные или дощатые, тако же и кровлю, и покрывать тесом или дранью, и какие печи в них строить и окна, о том изволь приказать ко мне...»¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Там же. 1714 г. Д. 23. Л. 1 об. Этот важный факт из жизни И.Т. Посошкова свидетельствует о том, что он жил в это время в Новгороде.

¹⁶⁵ Там же. Л. 1 об. — 3.

¹⁶⁶ Там же. 1714 г. Д. 62. Л. 28 об.

Полувековая история иверского подворья на Михайловой улице была полна событиями. Расширение территории, пожары и почти непрерывная перестройка отражают интенсивность административной и хозяйственной жизни. В начале существования усадьбы ее обитатели довольствовались скудным инвентарем, малым числом посуды. К XVIII в. это был уже обустроенный комплекс с обжитыми помещениями. При ликвидации подворья в 1714 г. на нем было учтено 16 ковров¹⁶⁷.

Важным фактом в истории новгородского подворья стало намерение местных властей передать его территорию под строительство нового гостиного двора. Хотя этот замысел не был реализован, весь комплекс усадьбы претерпел серьезный урон. Потребовалось несколько лет для ремонта построек и восстановления налаженного быта.

Царский указ передал Иверскую обитель в распоряжение Александро-Невского монастыря, что в очередной раз продемонстрировало преобладание соображений государственной целесообразности над правами собственников. Помещения подворья в Новгороде пошли под госпиталь — вполне в духе представлений Петра I о том, что основным оправданием существования монастырей может и должно быть призрение раненых солдат и убогих.

В целом история подворий Валдайского Иверского монастыря в Москве и Новгороде сходна с судьбами русской церкви второй половины XVII — первой четверти XVIII в. Вторая половина XVII столетия отмечена значительным каменным строительством едва ли не во всех крупных монастырях страны, тогда же формируются и расширяются величественные комплексы архиерейских дворов в Москве, Новгороде, Ростове, Вологде и других епархиальных центрах. Именно в это время достигают своего расцвета десятки епархиальных и монастырских подворий в Кремле и Китай-городе, в том числе и подворье Иверского монастыря на Посольской улице. Нов-

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 815. Оп. 1. 1714 г. Д. 63. Л. 32 об.

городское подворье Иверского монастыря тоже достигло своего расцвета на рубеже XVII–XVIII вв.

В начале XVIII в. царь лишил русскую церковь большей части ее имущества, упразднил патриаршество. Подворья Валдайского Иверского монастыря в Москве и Новгороде мало-помалу приходили в упадок и затем упразднились.

История подворий Валдайского Иверского монастыря позволяет проследить две противоположные тенденции в эволюции городской усадьбы второй половины XVII — начала XVIII в. Первая состояла в улучшении условий жизни: увеличении каменных построек, более устойчивых к регулярным пожарам, улучшении качества кровли.

Важнейшим элементом внутреннего уюта помещений были печи, число которых на протяжении изучаемого времени заметно возросло. Облицовка зелеными и белыми изразцами предотвращала ожоги обитателей и придавала интерьеру стройность и красоту. Каждая новая печь существенно увеличивала расход дров, лишь часть которых доставляли из монастырских вотчин, а остальное докупали на местном рынке. Тем не менее обитатели монастырских подворий шли на эти значительные траты ради тепла и уюта.

Каменные палаты позволяли более уверенно смотреть в будущее и запасаться новым имуществом. Стены палат, увешанные коврами и картинами в рамах, столовые часы, накопление посуды, в том числе иноземной (например немецких ножей и вилок) — всё это были новые элементы домашней среды, исподволь менявшие самоощущение обитателей монастырских подворий. Выходя на улицу из благоустроенного жилища, человек чувствовал себя более уверенно. Проживание стряпчего в отдельных хоромах, куда он, как правило, перевозил и свою семью, повышало его авторитет в глазах обитателей подворья. Перемены повседневной жизни на монастырских усадьбах второй половины XVII — начала XVIII в. создавали предпосылки для самоуважения его

обитателей и формирования личного начала — процесса, отраженного также в литературе, живописи, архитектуре, одежде, образовании и других сферах жизни.

Одновременно с этим на жизнь обитателей монастырских подворий оказывала влияние противоположенная тенденция. Право государственной власти контролировать и вмешиваться в личную жизнь подданных, характерное для русского Средневековья, получило новый импульс в петровскую эпоху с ее величайшим напряжением народных сил. Принцип «везде ныне государево» мог быть в любой момент реализован государственной властью. На монастырском подворье могли разместить постояльцев, могли и вовсе забрать всю усадьбу, если на то была государева воля. В этих условиях заметное улучшение условий жизни сосуществовало с неуверенностью в собственном праве пользоваться новыми возможностями. Таковы были противоречивые обстоятельства, в которых русский человек входил в новый период своей истории.

Археографическое описание публикуемых рукописей

1. 1659 г. февраля 23 — апреля 15. — Переписка властей Валдайского Иверского монастыря со строителем московского подворья иеромонахом Зосимой: Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 447, 5 сст. Сст. 1–4 черновики, сст. 5 — белой отпуск. Рукопись писана одним почерком, незначительная правка тем же почерком разными чернилами. Фолиация архивная графитным карандашом в левом верхнем углу. На сст. 5 вверху справа: чернилами почерком XIX в. — 39, карандашом почерком XX в.: на сст. 1–1659 после февр. 23, на сст. 1 об. — 114, на сст. 3 — 1659 г., на сст. 5 — 1659 апреля 15. Сст. 5 сложен конвертом. Филиграни: Страсбургская лилия с латинскими буквами ID, типа — Дианова, Костохина, № 955 (1655); Страсбургская лилия, фрагмент, по альбомам не отождествляется.

2. 1698–1699 гг. — Расходная книга московского подворья Валдайского Иверского монастыря: Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 1042. 4 л., без переплета. Подлинник. Рукопись писана одним почерком, с незначительной правкой. Фолиация архивная графитным карандашом в правом верхнем углу, два последних листа без нумерации чистые. На л. 1 шифр — 1042, л. 3, 4 выпадают. Филигрань: Герб Амстердама, типа — Гераклитов, № 59 (1692).

3. 1701–1703 гг. — *Тетрадь записи приезжих на московское подворье и дохода с них*: Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 472. 9 л., без переплета. Черновик. Рукопись писана одним почерком и чернилами с незначительной правкой тем же почерком. Фолиация архивная графитным карандашом в правом верхнем углу. Рукопись реставрирована; после брошюровки листы перепутаны: после л. 2 следуют л. 3–6, должно быть — после л. 2 л. 7, а далее — л. 3–6, 8–9. При публикации правильность листов восстановлена. Филигрань не просматривается.

4. 1706 г. — *Переписные книги московского подворья Валдайского Иверского монастыря*: Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 939. 24 л. Беловик. Рукопись писана одним почерком и чернилами, ветхая. Фолиация архивная графитным карандашом в правом верхнем углу. На л. 1. шифр — 939. Филигрань не просматривается. *По листам скрепы*: К сим переписным книгам московского иверского подворья строитель соборной иеромонах Ефрем руку приложил. К сим переписным книгам московского иверского подворья строитель соборной иеромонах Сергей руку приложил. К сим переписным книгам московского иверского подворья стряпчей Иван Михайлов руку приложил. К сим переписным книгам московского иверского подворья стряпчей Антип Тимофеев руку приложил.

5. 1673 г. января 6. — *Ростисной список имущества на новгородском подворье Валдайского Иверского монастыря, переданный стряпчим Петром Марковым новому стряпчему Венедикту Самсонову*: Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2157. 2 сст. Реставрирован. Рукопись писана одним почерком, незначительная правка тем же почерком и разными чернилами. На сст. 1 чернилами почерком XIX в. — 116, карандашом почерком XX в. — 2157; на сст. 2 чернилами почерком XIX в. — 117, почерком XX в. карандашом — 2, 2157. Филигрань не просматривается.

6. 1702 г. — *Опись новгородского подворья Валдайского Иверского монастыря*: Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1.

Картон 154–155. Д. 13. 4 л. Л. 5 вложен ошибочно, содержит текст с перечнем пеших работников «у общей печи». Ветхая. Рукопись писана одним почерком и чернилами. Листы выпадают. Филигрань: Голова шута с семью бубенцами, просматривается слабо, по альбомам не отождествляется. По л. 1–4 скрепы, сохранились не полностью: К сим переписным книгам. К сим переписным.

7. 1705 г. — *Переписная книга новгородского подворья Валдайского Иверского монастыря*: Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 1044. 6 л. Рукопись писана одним почерком, незначительная правка другим почерком. Ветхая, часть левого края утрачена с незначительной утратой текста. Фолиация архивная графитным карандашом в правом верхнем углу. На л. 5 частично сохранилась филигрань: Голова шута, по альбомам не отождествляется. Часть л. 4 об., свободная от текста, отмечена как «порозжее место». Большая часть л. 5, свободная от текста, отмечена дважды: «порозжая», «место порозжее». Л. 5 об. — 6 об. отмечены: «страница пороз», «лист порозжей».

№ 1

1659 г. февраля 23 — апреля 15. — Переписка владетей Валдайского Иверского монастыря со строителем московского подворья иеромонахом Зосимой.

(сст. 1) Пречистые Богородицы Иверского монастыря от архимандрита Филофея з братьею брату нашему иеромонаху Зосиму благословение. В нынешнем во 167-м году февраля в 23 день отпустили мы из монастыря брата своего дьякона Иоиля к тебе на иверское подворье. А с ним послали двести рублев денег: одно сто отдать ему казначею нашему старцу Евстратию, а он отдаст¹ Лазаревичю долгу, а серебро у него взять; а другое сто тебе на дворовое строение.

Да с ним же дьяконом Иоилем послали мы к тебе на иверское подворье вялых пятьсот рыб щук и лещев, и судоков, и тебе бы у него, Иоиля, та рыба принять. Да послали мы к тебе Микифора Ретку, и как он, Микифор Ретка, к тебе на подворье придет, и тебе б отвесть ему место особно, где жить, и велеть его кормить в обед братцкой пищей с собою вместе, а завтракать и вечерять давать ему тож нескудно: в пост рыбки, а в розговена купить бы тебе мяса и ему по шмату давать, чтоб он ествой не скорбил.

¹ В ркп. казначею нашему старцу Евстратию, а он отдаст *написано тем же почерком и более темными чернилами над строкой.*

А плотников бы тебе нанимать вольных людей к дворовому строению на их плотницком хлебе, а не на нашем монастырском. Хотя что ни дай найму, чтоб оне, плотники, были на своих хлебах. А что дворового строения строить, и тому под сею отпискою роспись.

²Да послали мы к тебе на иверское подворье мех соли на крестьянских подводах, и тебе б та соль принять и в расход держать. Да тебе же бы на приемные церковные денги ведро вина и ему, // (сст. 1 об.) Микифору, давать порано для почести, чтоб ему не кручиновато было жить.

А что он, Микифор Ретка, на иверском подворье станет починивать и вновь строить, и тебе б у него воли не отнимать, у нас ему что строить словесно приказано и роспись послана под сею отпискою.

Да писали мы к великому государю святейшему патриарху о извести и о кирпичю, чтоб он, великий государь, пожаловал, велел дать на иверское подворье кирпичю и извести на починку каменным хоромам, сколько годно, и отписку мы послали к тебе с дьяконом своим Иоилем. И тебе б съездить к государю патриарху в Воскресенкой монастырь и тое отписку нашу подать и о кирпиче и о извести побить челом, чтоб он, великий государь, пожаловал указал дать на починку на иверское подворье каменным хоромам, чтоб и больши не розвалились. //

(сст. 2) Роспись Микифору Ретке что строить на Москве на иверском подворье и починивать.

Купит брусья и бревен, и тесу сколько надобет.

Своды каменные, где попортились, починить.

Крыльцо от Посолского двора накрыть тако ж как и з двора.

Крыльцо, что куда всходят наверх, накрыть тесом.

От Посолского двора в церкви двери пробить и зделать будет мочно.

Колокольную поставить на столбах из брусья и тесом кругом обить.

² В ркп. далее (сст. 1–1 об.) текст написан более темными чернилами.

От Посолского ж двора, будет мочно, зделать крыльцо, куда людем в церковь ходить, чтоб по двору не ходили.

Наверху, на каменных полатах³ против кельи, другую келью поставить деревяную⁴ от Посолского двора.

А промеж келей сени, а сени сузить, чтоб улочка была по-шире нынешнего.

От колокольни на двор зделать отход и огородить хорошо.

И иное строение, что доведетца, построить. //

(сст. 3) Пречистые Богородицы Иверского монастыря от архимандрита Филофея з братьею к Москве на иверское подворье брату нашему строителю иеромонаху Зосиму благословение. Писал ты к нам о плотниках, чтоб мы прислали к тебе для дворового строения от себя плотников, а на Москве плотники гораздо дороги. И мы, наняв вотчинных своих плотников, послали к тебе на иверское подворье корелских деревень: деревни Гагрина бобыля⁵ Терешку Игнатьева да крестьян Сидорка Григорьева да Мелешку Селиванова да бобыля Мартинка Иванова⁶ для монастырского дворового строения до филиповых заговен 168-го году. А найму им ряжено на месяц на их плотницком хлебе по два рубли человеку. И наперед дано им у нас в монастыре, Терешки да Сидорку, да Мелешки⁷, по три рубли, а Мартинку — два рубли⁸.

И как к тебе ся наша пмять придет и стрелец наш с теми плотниками к тебе на иверское подворье приедет, и тебе б, строителю, с того числа, которово к Москве приедут, велети им на иверском подворье всякое строение плотничать

³ В ркп. сначала написано церкви, затем зачеркнуто и над строкой написано теми же почерком и чернилами полатах.

⁴ В ркп. сначала написано зделать, а потом зачеркнуто и теми же почерком и чернилами над строкой написано поставить деревяную.

⁵ Далее в ркп. зачеркнуто Игнашку.

⁶ Далее в ркп. зачеркнуто да Якушку Еремеева.

⁷ Далее в ркп. зачеркнуто да Якушки.

⁸ Далее в ркп. зачеркнуто да Якушки три рубли.

без лености, чтоб те плотники не гуляли и о строении радели неоплошно, а пили и ели, оне плотники, свое все и топоры, и скобели, и долота, и пазники, и теслы, и черты, всякой плотницкой запас их бы был⁹. И поручная запись по ним у нас в казну взята, а к тебе список послан¹⁰.

А велети им плотникам стоять у себя на подворье, где годно. А как оне за те денги, что мы им наперед дали, заробят, и тебе б, строителю, давать денги за работу помесечно как у нас с ними, плотниками, зговор был на месяц по два рубли человеку¹¹. Да тебе ж бы, строителю, радеть о дворовом строении неоплошно, чтоб окупки в лесу // (сст. 3 об.) не было, покупать бы тебе на дворовое строение всякой лес самому, не ленигца, или Исхириона посылать купить, а Ретки одному лесу не велеть купить.

¹²Да послали мы к тебе на дворовое строение денег пятьдесят рублей с нашим монастырским стрельцом с Костькою Васильевым. И тебе б те денги у него, стрельца, принять и для ведома к нам отписати. //

(сст. 4)¹³го марта в 30 день послали мы из монастыря к тебе на иверское подворье с стрельцом своим с Якушком Семеновым¹⁴ гостинцов князь Ивану Андреевичю Голицыну свежие рыбки в кулю тритцать щук, дватцать лещиков, тысящу селдей. И как к тебе ся наша память придет и стрелец наш с тое рыбой приедет, и тебе б, строителю, тое рыбу¹⁵ в целе принять у стрельца и, пересмотря, счов, князь Ивану

⁹ В ркп сначала написано плотницкой, а затем зачеркнуто и теми же почерком и чернилами над строкой написано бы был.

¹⁰ В ркп. а к тебе список послан написано над строкой тем же почерком и более светлыми чернилами.

¹¹ Далее в ркп. зачеркнуто до сроку.

¹² Далее в ркп. текст приписан тем же почерком и более светлыми чернилами.

¹³ Начало сстава не сохранилось.

¹⁴ В ркп. с Якушком Семеновым написано над строкой теми же почерком и чернилами вместо зачеркнутого запечатав монастырскою казенною печатью.

¹⁵ Далее в ркп. зачеркнуто за казенною печатью.

Андреевичю Голицыну з грамоткой нашей поднестъ и челом от нас ударить.

Да послали мы к тебе на подворье про ваш обиход рыбы свежей в кулю первом: тритцать щучек, сто подлещиков малых, пятьсот сельдей, да в другом кулю вялые рыбы сто лещеков, пятьдесят щучек, полтретьяста боковых лещиков, да в третьем кулю шесть вязок сопов¹⁶ с ним же стрельцом. И тебе б у него, стрельца, тое рыбу принять и на расход держать. //

(*сст.* 5) Пречестныя и великия обители Пречистыя Богородицы Иверскаго монастыря государю отцу нашему архимандриту Филафею, еже о Христе з братьею, вашае отеческия паствы с Москвы иверскаго подворья строитель Зосимище, припадая к ногам вашим, благословения прошу. Прислали вы, государи, к Москве на иверское подворье четырех человек плотников для двороваго строения. И те плотники четыре человека пришли к Москве на иверское подворье апреля в 7 день в среду на Светлой недели. И я, строитель, без патриарша ведома ничево строить не смею и послал тотчас старца Исхириона к государю патриарху в Воскресенкой монастырь с отпискою, что он, государь патриарх, укажет, велит ли строить или нет, и плотники дожидаются указу, ничево не делают. А велели вы, государи, мне, строителю, самому на дворовое строение лес покупать и плотниками нарезать и во всяком дворовом строении неоплошно досматривать. И мне, государи, будучи у церкви божиин, одному невозможно в торг ходить и для двороваго строения лес купить, и самому плотниками нарезать, и во всем досматривать невозможно, потому что другово священника нет у церкви божей и служить некому. А здешних русских попов наймовать — убытку будет много, дорого емлют. И вы, государи, пришлите от себя из монастыря другово священника, чтоб мне было возможно двороваго строения досматривать. А не пришлете, государи,

¹⁶ *Далее в ркп. зачеркнуто* запечатав казенною печатью.

не изволите другово священника послать, и дело плотнишное станет, потому что мне одному, будучи у церкви, за дворовым строением ходить невозможно. А что вы, государи, послали с стрельцом пятьдесят рублей денег и рыбы свежей, и то все против ваша властинския отписки, денги и рыба все сполна дошло до меня. И по вашему, государи, велению ходил я сам с рыбою ко князю Ивану Ондреевичю Голицыну, и он ваше благословение рыбу принял с любовию и вельми вам, государем, за рыбу бьет челом. По сем я и елико есть со мною братии до честных стоп ног ваших челом бьем. //

(сст. 5 об.) В Пречестную и великую обитель Пречистыя Богородицы Иверскаго монастыря государю архимандриту Филафею, еже о Христе з братьею.

Апреля в 15 день.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 447. Сст. 1–5. Подлинник.

№ 2

**1698–1699 гг. – Расходная книга московского подворья
Валдайского Иверского монастыря.**

(л. 1) Книги, а в них записка приему и росходу казенным денгам, что я, Матюшка, принял в 208-м году сентября месяца в 9 день у соборного монаха Христофора на московское иверское подворье строение шесть рублей два алтына. Да того же сентября в 20 день принял я у иеромонаха Аарона. как он был прислан в строители на московское подворье. четыре рубли. Да сверх тех приемных денег имано у меня, Матюшки, в долг на пять рублей на шесть алтын. И за те долговые иманые всякие припасы принял // (л. 1 об.) я, Матюшка, у него ж, соборного монаха Христофора, как он приехал после Аарона на московское подворье в строители того ж 208-го году октября 11 день, денег пять рублей шесть алтын. И за все иманые припасы со всеми торговыми людьми расплатилсы, а тем всем приемным денгам расход и всяким покупным припасом покупка писано в сих книгах по статьям. //

(л. 2) Сентября в 9 день куплено сто бревен двусаженных с локтем, дано два рубли дватцать пять алтын.

Того ж числа куплено драниц трехсаженных пятьсот, дано за сто по дватцати алтын по четыре денги, итого три рубли три алтына 2 денги.

Сентября в 11 день нанято х каменному делу пять человек работников, дано работнику по 8 денег, итого шесть алтын 4 денги. //

(л. 2 об.) Сентября в 20 день куплено кирпичу 1000, дано по пяти алтын по 4 денги, итого полтора рубли шесть алтын 4 денги.

Сентября в 21 день куплено бревен шестисаженных семь, дано рубль.

Сентября в 25 день дано на дорогу стрельцам Афоньки с товарищи, как отпущены в монастырь, пять алтын. //

(л. 3) Сентября в 26 день дано стрельцу Калинки Афанасьеву на харч, что он седел в Ямском приказе в ямских и полоненичных денгах, дано 2 алтына 4 денги.

Того ж числа куплено сто скальп, дано сорок пять алтын.

Сентября в 27 день куплено двоетесного гвоздья 1000, дано дватцать один алтын 4 денги. //

(л. 3 об.) Сентября в 29 день куплено тритцать бревен трехсаженных, дано рубль.

Октября в 1 день куплено двоетесного гвоздья 1000, дано 21 алтын 4 денги.

Октября в 7 день куплено тритцать бревен трехсаженных, дано рубль.

Того ж числа куплена бревно х колодезю, дано 3 алтына.

Того ж числа куплено на передней крылец поток, дано 2 алтына 4 денги. //

(л. 4) Октября в 8 день куплено на стряпческие палаты 5 потоков, дано 5 алтын 2 денги.

Октября в 9 день куплены двои двери, дано 4 алтына 2 денги.

Того же числа куплена доска на переходы, дана 2 алтына да четыре бруса на косяки, дано 5 алтын 2 денги.

Октября в 10 день куплено гвоздья двоетесного сто, дано за сто 2 алтына 2 денги.

Октября в 15 день куплено на оконницы свинцу пуд, цена 23 алтына 2 денги да олова полтора фунта, цена пять алтын. //

(л. 4 об.) Октября в 20 день куплено¹ столбов на забор, дано дватцать алтын.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 1042. Л. 1–4. Подлинник.

¹ *Далее в ркп. было сначала написано дватцать, но затем слово затерто.*

№ 3

1701–1703 гг. — Тетрадь записи приезжих на московское подворье Валдайского Иверского монастыря и дохода с них.

(л. 1) Тетрадь московского иверского подворья строителя иеромонаха Ефрема, а в ней записка приезжим людям, которые, приезжая на подворье, стоят и что вместо постоянного в церковное строение дал. И то писано в сей тетради 1701-го генваря с первого числа. Черные. //

(л. 2) 1701-го генваря в 1 день стали на подворье в ысподних кельях магеливец Матфей Григорьев с товарищи и с челядники шесть человек. И стояли генваря по 12 день, и дали в церковное строение вместо вклада рубль шесть алтын четыре денги.

Того ж числа в 19 день¹ стали на подворье в тех же нижних кельях смоляне Андрей Иванов с сыном Васильем и с товарищи пятеро человек да с ними ж могилевиц посадцкой челоок Никон Яковлев сам друг, и всего семь человек. И стояли генваря по 30 день, и дали в церковь рубль восемь алтын две денги.

Генваря в 20 день стояли на подворье в ысподних кельях возле лесницы Григорей Иванов // (л. 2 об.) с товарищи пять человек. И стояли генваря ж по 21 день, и дали в церковь тритцеть алтын.

¹ Так в ркп.

Того же месяца в 30 день стал в тех же кельях, что возле лесницы из Сум писарь Василей Иванов с товарищи сам третьей. И стояли февраля по 12 день, и дали в церковь восмнатцеть алтын две денги.

Февраля в 4 день стояли в тех же кельях Сумского полку сотник Юрьи Иванов, Семен Голуб с товарищи пятеро человек. В том числе двое человек стояли февраля до 18-го числа, а трое марта до девятого числа и дали в церковь всего рубль дватцать алтын². //

(л. 7) Марта в 20 день стали на подворье могилевцы Василей Хомутовской з братом Иваном и с челядники восемь человек, И стояли мая по 29 день, и дали вместо постоянного три рубли.

Июня в 9 день стали в верхней кельи селиторщики пятеро человек. И стояли две недели, дали дватцеть шесть алтын четьре денги. //

(л. 3) Сентября в 3 день стали волдайцы вазле леснитцкой кельи Якушка Кеметцкой да Юшка Кузнецов с товарищи семь человек. стояли сентября ж по десятое число, и дали в церковь одиннацеть алтын четьре денги.

Ноября в 22 день стали в старой хлебни волдайцы ж Родька Шиленок, Иван Семенов с товарищи шестеро человек. И стояли декабря по шестое число и в церковь дали шесть алтын четьре денги.

Декабря в 4 день стали на подворье города Шклова Григорей Анисимов сын Рак с товарищи трое человек возле лесницы. И стали // (л. 3 об.) декабря по 14 число, в церковь дали шестнатцать алтын.

Декабря в 14 день стали в верхней кельи могилевец Данило Павлов с товарищи шестеро человек. И стояли генваря до шестаго числа, и дали в церковь два рубли три алтына две денги.

Декабря в 15 день стали возле лесницы в кельи из Сум писарь Иван Романов с товарищи семь человек, в том числе

² В ркп. нумерация листов перепутана: после л. 2 следует л. 7.

трое человек копейшиков. Стояли декабря до 19-го числа и в церковь дали пять алтын две денги.

А писарь сам четверт стоял декабря по 24 число, и дали в церковь дватцать один алтын 4 денги. //

(л. 4) Декабря в 26 день стали на подворье в лесничной полатки могилевец Роман Иванов с челядники своими сам третей. И стояли генваря до 20-го числа, и в церковь дал рубль десять алтын.

Декабря ж в 26 ж числа стали в ысподних кельях могилевец Юрьи Трофимов с товарищи десять человек. И стояли генваря до 25-го числа, и в церковь божию дали четыре рубли десять алтын. 1702-го году.

Генваря в 22 день стали возле крестовой могилевец Александра Иванов с челядники сам четверт. И стояли февраля до 24-го числа, и в церковь дали рубль десять алтын.

Бронной слободы житель Андрей Сувалов дал вскладом денег пять рублев. //

(л. 4 об.) Генваря в 22 ж день стал в vexней кельи стародубец Марк Терентиев с челядники сам третей. И стояли февраля до 5-го числа, и дал в церковь четырнатцать алтын.

Февраля в 4 день стали в верхней кельи гадовцы служивые люди, шли изо Пскова, Осип Еремеев с товарищи трое человек. И стояли февраля ж по осмое число, в церковь дали шесть алтын четыре денги.

Февраля ж в 27 день стал в стряпческой кельи казанец лекарь Артемей Назарьев с челядники сам четверт. И стоял мая по девятое число, и дал вскладом // (л. 5) лошадь мерина шерстью рыжа пяти лет по цене за три рубли с полтиною безденежно. Да он же дал денег сверх того пять рублев.

Да свежерыбник Тихон Иванов дал вкладом денег четыре рубли.

Марта в 13 день стали в верхней кельи города Харькова писарь Карп Савельев с товарищи сам третей. И стояли апреля по то ж число, и в церковь дали рубль пять алтын.

Марта в 18 день стали в лесничной кельи города Опашни селиторшики Яким Романов с товарищи сам шесть. И стояли апреля по 20 день, и в церковь дали два рубли тринадцать алтын две денги.

Апреля в 5 день стал в ысподних кельях города Ахтырку сотник Леонтий Степанов // (л. 5 об.) с товарищи семь человек. И стояли апреля по 28 день, в церковь два рубли трицать алтын четыре денги.

Апреля ж в 29 день стал в верхней кельи Сумского полку писарь Гаврило Григорьев с товарищи сам четверт. И стояли августа да 20-го числа, и в церковь дал на кровлю и на поупку бочки белого железа пятнатцать рублей дватцать шесть алтын четыре денги.

Он же писарь Гаврило дал в церковь же лампаду медную позолочену споскную по цене за дватцать за шесть алтын за четыре денги безденежно.

Бронной слободы житель Моисей Аврамьев дал по вере своей вкладом денег пять рублей. //

(л. 6) Апреля ж в 29 день стали в ысподней кельи города Плотовы торговой человек Кирило Иванов с товарищи четыре человека. И стояли мая по 12 день, в церковь дали воснатцать алтын.

Маия в 18 день стали в ысподних кельях города Опашни посадцкие люди Федор Васильев с товарищи трое человек. И стоял мая ж по 25 день, и в церковь дали девять алтын.

Ноября в 16 день стали в ысподней кельи черкасы Осип Васильев с товарищи, ехали из Ладоги, всего восемь человек. И стояли декабря до пятого числа, и в церковь дали рубль шесть алтын 4 денги. //

(л. 6 об.) Декабря в 4 день стали в ысподних кельях волдаицы Антон Тюренев, Илья Кузнецов с товарищи шесть человек. И стояли декабря до 11-го числа, в церковь дали шесть алтын 4 денги.

Того ж числа новоторжцы посадские люди Андрей Серебров с товарищи трое человек, у которых были положены купленные их товары для збережения. И в церковь дали рубль дватцет шесть алтын четыре денги.

Декабря в 25 день стали в исподних кельях полочаня торговые люди Андрей Иванов, Федор Васильев с товарищи и с челядники восемь³. //

(л. 8) человек и стояли⁴ декабря ж по 29 день, и дали в церковь рубль шестнатцать алтын четыре денги.

Да Новодевичья монастыря по духовнике иеромонахе Галактионе дано в казну на поминовение 2 рубля. Да Басманной слободы по жителе Спиридоне на поминовение ж 2 рубля.

1703-го генваря в 13 день стали в исподних кельях смольяне бурмист Михайло Иванов сын Головкин с товарищи трое человек да челядников двое человек. И стояли генваря по 20 день, взято с них в церковь божию шесть алтын четыре денги.

Февраля в 16 день стали на подворье сумской писарь Иван Романов с товарищи десять // (л. 8 об.) человек. И стояли марта до 11-го числа, и дали в церковь вкладом патрахиль большую, шита по отласу золотом и серебром ценою дана восемь рублей шестнатцать алтын четыре денги безденежно⁵. //

(л. 9) Февраля ж в 14 день стоял на подворье в исподней кельи из Сум Гаврило Матфеев сын Клас сам четверт. И стоял февраля ж по 18 день, и дали в церковь дватцать шесть алтын четыре денги.

Февраля ж 14-го числа в тех же исподних кельях стали смольяне Петр Лукиянов с товарищи пятеро человек. И стояли февраля ж по 18 день, и дали в церковь тринатцать алтын две денги.

³ В ркп. нумерация листов перепутана: после л.6 следует л. 8.

⁴ Далее в ркп. зачеркнуто пятеро человек 1703-го году генваря по 13 день, а достальные трое стояли по 19 день, взято с них в церковь божию вместо постоянного.

⁵ Далее в ркп. зачеркнуто Да оне ж дали вместо вклада денег пять.

Февраля в 19 день стал на подворье в ыспод⁶ кельях моголевец Василей Хомутовской с челядники сам четверт. И стояли год, и взято у него девять рублей дватцать семь алтын три денги. //

(л. 9 об.) Февраля в 20 день стали в верхей кельи дому святейшаго патриарха приписного Бизюковского монастыря иеромонах Пафнатий да иеродиякон Филарет и со служебником трое человек. И стояли марта по 3 день, и дали в церковь шестнатцать алтын четыре денги.

Февраля 20-го числа стал возле крестовой могилевец Афонасей Иванов с товарищи семь человек. И стояли апреля по 8 день, и дали в церковь два рубли пятнатцать алтын.

Апреля 19 день стали возле крестовой кельи моголевцы Александра Иванов с товарищи четверо человек. И стояли мая по 8 день, и в церковь дали тритцать алтын.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 472. Л. 1–9 об. Черновик.

⁶ Так в ркп.

№ 4

1706 г. — Переписные книги московского подворья Валдайского Иверского монастыря.

(л. 1) Книги росписные иверскому московскому подворью строителей соборных иеромонахов Ефрема да Сергия 1706-го году¹. //

(л. 2) Лета 1703-го году августа в 20 день Пречистые Богородицы Иверского монастыря по указу отца архимандрита Тарасия з братьею монастырского московского иверского подворья строитель соборной иеромонах Ефрем, пересмотря по прежним росписным книгам 1700-го году в церкви божии святыя иконы и церковную всякую утварь, и монастырские всякие крепости, и всякую медную и оловянную посуду, и всякой дворовой обиход, пересмотря все, отдал налицо новому строителю соборному иеромонаху Сергию при стряпчих Иване Михайлове сыне Чекалеве да при Антипе Тимофееве. А что чего налицо отдал, и то все писано в сих книгах порознь по статьям. //

(л. 2 об.) На подворье на полатах церковь каменья во имя Пресвятыя Богородицы Иверские.

А в церкви божия милосердия образов.

Царские двери резные на золоте со апостолами².

¹ Внизу листа написано: белые.

² В ркп. Царские двери резные на золоте со апостолами вписано между строк теми же почерком и чернилами.

По правую сторону царских дверей местной Спасителей образ, писан на красках и на золоте, венец серебряной чеканной золочен, а в нем четыре камня да понагия серебряная позолочена с мощами, да крест серебряной позолочен за слудюю.

В южных дверях писан архидьякон Лаврентий на красках и на золоте.

Местной образ Иакова Боровицкого чудотворца, писан на красках, венец серебряной чеканной позолочен.

По левую сторону царских дверей местных образов.

Пресвятыя Богородицы Одегитрии, писан на красках, венец серебряной чеканной золочен, звезда хрустальная. // (л. 3) Да прикладу две копейки золотые, одиннатцать копеек серебряных, покров луданной черленой, два креста болших серебряных белых да два поменьше, один с финифтью золочен. И те кресты приложены вновь при строителе Ефреме.

В северных дверях архистратиг Михаил, писан на красках.

Местной образ Филиппа митрополита, писан на красках и на золоте.

Над царскими дверми по сторонам дванадесятные празники, писаны на красках, венцы на золоте.

Над празниками деисус Спасов образ со апостолами, писаны на красках.

Над деисусом образ Пресвятыя Богородицы, а по сторонам пророки писаны на красках.

Над Пресвятою Богородицею снятие со креста и распятие Христово, писаны на красках. //

(л. 3 об.) И все те местные образы в киотех, столбы резные и глаткие, писаны краскам и золотом.

Да по обеим сторонам царских дверей на стенах в киотех дватцать четыре образа окладных серебряных с венцами позолочены.

Да на стенах же по сторонам десять образов таких же окладных серебряных позолоченых с венцами.

Образ Печерские Богородицы в рямах золоченых, писан на большем бумажном листу.

Образ Распятие Христово, писан на полотне в рямах.

На налое образ Воскресение Христово на окладе с венцами серебряными золочены, налой одет камкой черленой.

В церкви ж паникадило болшое медное.

Да перед местными образами четыре лампадки медные, пятая лампадка вверху перед Спасителевым образом да лампадка ж вверху перед Святою Богородицею внове при строителе Ефреме. //

(л. 4) В олгаре у царских дверей завеса тавтяная красная.

В олгаре ж на престоле крест благословящей, обложен серебром басмянным, Распятие и по сторонам херувимы серебряные позолочены.

На престоле ш индикие отлас золотной по красной земли, напреди нашит крест серебряной с шелком.

На престоле ш покров камчатой красной, опушен камкою зеленою, на покрове нашит крест серебром и шелком, подложен киндяком лазоревым.

Над престолом вверху сень выбойки цветной.

Воздухи.

Воздух шит золотом в кругах Иисус Христос, опушен отласом желтым, подложен тавтою лазоревою, два воздуха такие ж.

Три воздуха мелкотравчатой камки красной, в среди нашиты кресты серебром, опушены камкосеею желтою.

Три воздуха камки белой, обложены отласом белым, нашиты // (л. 4 об.) кресты золотные красные.

Пелена отлас золотной, опушена камкою лазоревою, в середине нашит крест алай тавты.

Пелена буратик блестящей, а на ней нашит крест мишурной.

Пелена камчатая красная, опушена тавтою зеленою, другая пелена такая ж.

Пелена тавты зеленой из сорочек, а на ней крест мишурной.

Сосуды церковные.

Потир серебряной резной, поддонье лосчатое, весь золочен.

Потир же серебряной золочен чеканной.

Два диска серебряные золочены.

Один диск серебряной белой.

Два блюда серебряных белых. //

(л. 5) Звезда серебряная золочена.

Звезда ж серебряная белая.

Льжица и копие серебряные позолочены.

Льжица серебряная ж белая.

Кадило серебряное резное, крест и кольца, и цепи серебряные ж.

Чарка глаткая серебряная белая.

Церковной же медной спосуды.

Кадило с цепми белое.

Напрестольной шандан тройной.

Три шандала малых одинаких.

Один шандан малой ввертной.

Укропник.

Чаша водоосвященная луженая.

Два подсвешника больших жестяных, третьей малой, новые выносные, зделал вновь строитель Ефрем. //

(л. 5 об.) Блюдце оловянное да блюдце медное малые, горшок железной, в чем жир носят.

Ризы.

Ризы камчатые красные, оплечье шито золотом и серебром по черном бархату, крест и звезда з золотом и серебром, по подолу обложены камкою желтою.

Ризы отлас мелкотравчатой зеленой, оплечье камки вишневой, крест и звезда мишурные, по подолу обложены камкою желтою.

Ризы камчатые красные, оплечье касылбас разных шелков, кресты и около оплечья и по подолу круживо мишурное з горотками, по подолу ж обложены камкою алою.

Ризы изарбатчные по красной земле, кресты по ним в травах разных шелков, оплечье бархат // (л. 6) златоглавой по красной земли, крест и звезда того ж бархату, круг оплечья золото с серебром з города, по подолу опушены отласом зеленым.

Ризы тафтяные зеленые, оплечье и подольник нашиты по кромью цветною и с линтами черными.

Стихари.

Стихарь отлас турской поласатой разных цветов, оплечье и зарукавники отлас золотной по подолу опушен красным мухояром.

Стихарь тавты лазоревой, оплечье и подол, и по рукавам отлас красной, линты зеленые цветные.

Стихарь отлас мелкотравчатой желтой, оплечье и зарукавники бархат золотой с серебром по черной земли, опушен тавтою красною.

Стихарь тавты зеленой, оплечье и подольник нашиты по кромью цветною и с линтами черными. //

(л. 6 об.) Стихарь полуотласной поласостай, полосы красные и зеленые, по красным полосам кужни золотные, оплечье бархат золотой красной, круг оплечья круживо з города мишурное, рукава и по подолу опушены луданом белым и линтами зелеными и золотыми.

Подризники.

Подризник камкосейной зеленой мелкотравчатой, оплечье и рукава опушены тавтою лазоревую.

Подризник лудан черной травчатой, оплечье и подольник линты травчатые, опушены бархатом травчатым по зеленой земле, подложен крашениною.

Подризник киндячной зеленой, оплечье буратик травчатой цветной³.

Подризник дороги двоеличные, оплечье и рукава и подольник кежевые. //

³ В ркп. на полях отмечено более светлыми чернилами: +.

(л. 7) Потрахили.

Потрахиль бархату золотного с серебром, на нем одиннатцать пугвиц серебряных сканных белых⁴.

Потрахиль отлас травчатой з золотом ветх, опушен камкою зеленою.

Потрахиль черленой рытой, опушен отласом зеленым, а на нем нашито одиннатцать пугвиц серебряных прорезных, три пугвицы попорчены.

Потрахиль красной камчатой, опушен линтами цветными, ветх.

Потрахиль изарбат по красной земли крестовой, кресты разных цветов обложены линтами цветными, на нем кресты нашиты белого отласу да десять пугвиц глатких, в том числе две сканные, десятая утерялась.

Потрахиль шит золотом⁵ и серебром по красному отласу, промеж золота и серебра вшиваны звестки // (л. 7 об.) серебряные белые, обложен золотным голунком, внизу нашито девять кистей золотных. И тое потрахиль дали вкладом сумской писарь Василей с товарищи при строителе Ефреме.

Олари.

Оларь бархат золотной с серебром по черной земли, опушен отласом зеленым, у него одна пугвица серебряная.

Оларь отлас золотной по зеленой земли, опушен отласом червчатым, а на нем одна пугвица серебряная.

Уларь тафты зеленой, опушен линтами цветными.

Поручи.

Поручи бархату золотного с серебром.

Поручи, шито золотом и серебром по желтой камки.

Поручи отласные красные.

Поручи баберковые по желтой земли, опушены камкою зеленою. //

(л. 8) Поручи обьяринные желтые, опушены обьярю белою.

⁴ В ркп. на полях отмечено более светлыми чернилами: +.

⁵ В ркп. золотом написано дважды.

Поручи бархату золотного цветной.

Одна поручь красная ветхая.

Поручи золотного отласу по красной земле, обложены бархатом красным да галунком белым серебряным.

Поручи отласу травчатого, цвету лазоревого.

Поручи отласу зеленого обложены изарбатом.

Тринадцатъ лоскутов бархатных травчатых.

Три пояса шелковых тканых с крестами и с шелковыми шнурами разных шелков, у водного пояса плащи железные белые луженые, а у дву поясов плащи медные.

Два налая с кожею красною.

Покрыт налой, что ставят праздничные образы, обложен камкою красною, впереди нашит крест, по сторонам обложен круживом золотным.

Два ковра турецкого дела. //

(л. 8 об.) Зеркало настенное большое.

Фонарь слудяной штигранной.

Книги.

Евангелие напрестольное в десть печатное, по обрезу золочено, на евангелие Воскресение Христово да четыре евангелиста да четыре камня в гнездах серебряных золоченых, верхняя доска да застешки серебряные золочены, перед кладки шелковые с камнем и з жемчугом.

Псалтирь со следованием.

Два охтая, треодь цветная да апостол печатные новые.

Служебник печатной московской печати в полдести.

Два евангелия толковые, одно недельное, а другое Феофилактово печати московской в десть.

Девять миней месячных, десятая минея трех месяцев. //

(л. 9) Треодь постная, и тое треодь, будучи отец архимандрит Тарасий на Москве, взял с собою в Иверской монастырь.

Пролог сентябрьской половины.

Да пролог трех месяцев сентябрь, октябрь, ноябрь киевской печати в десть.

Требник московской печати в десть.

Часослов в четверть дести новой.

Да пролог мартовской половины, разделен на две части.

Книга Иоанна Лествешника.

Книга Ефрема Сирина.

Псалтирь следованная болшой печати ветхая.

Ермологий с обиходом нотного знамени.

Филистим в полдести.

Каноник новой в четверть дести.

Ермологий в полдести вновь при строителе Ефреме. //

(л. 9 об.) В олtare одиннатцать образов, писаны на красках разные святые, оклады серебряные позолочены.

В церкви ж западные двери слудяные, крылосы столярной работы.

Да в церкви и в олtare трой двери железные да четверы затворы у вокон железные ж.

В церкви ж хоры столярной работы.

В церкви ж и в олtare шесть окончин стекольчатых.

В трапезе печь муравленая.

На колокольне три колокола средних, а два колокола взяты по указу великого государя на Пушечной двор.

Крестовая келья.

А в кельи божия милосердия двенатцать образов окладных серебряных с венцами позолоченых, семь образов неокладных, разные святые. //

(л. 10) Да образ Спасителей Снятие с Креста, писан на красках в рямах.

Образ Пресвятые Богородицы.

Образ Варлаама пустытника да Асафа царевича, писан на полотне в рямах больших.

Образ Распятие Христово, писан на полотне в рямах, шесть листов волоских в рямах же.

В крестовой же и во всех исподних, и в верхних, и в боковых кельях, и в стряпческой полате в окнах окончины

стекляные, и иные ветхи.

Печи кахляные зеленые.

Оловянная посуда.

Больших десять блюд, средних пять блюд.

Торелок большой руки восемь, малой руки шесть.

Кунган ломаной ветхой, а в середине солонка.

Кварта с крышкой, пять стаканов малых да три побольше, вновь куплены. //

(л. 10 об.) Медной посуды.

Горшок в три ведра, труба пожарная, яндова в четверть ведра, котелок маленькой. И тот горшок и труба, и яндова, и котелок по скаске строителя Ефрема отданы в довес с колоколам, как имали по указу великого государя указное число ис колоколов.

Два колокола, один в два ведра, другой в ведро.

Противень, сковоротка черная с рукоятками.

Три кунгана луженых, четвертой поменше.

Четыре чаши луженых, пятая утерялась.

Росольник луженой.

Два рукомойника и с лоханями луженые.

Куб с крышкой.

Лампадка прорезная опускающая.

Яндова в ведро.

Безмен, гиря медная.

Железной посуды. //

(л. 11) В поварни квасоварной большой котел.

Другой котел квасоварной же большой ветхой.

Тяган, сковорода, крюк, ухват, карасы, лом, заступ, скобель, долото, колокольной большой язык, два бурава, топор, восмей затворов оконных.

В поварни ж два тшана усыпные и заторные большие.

В казенной полате дватцать один бердыш, девятнатцать лядунок, одиннатцать натрусок, полатка выбоичатая с полами, белого железа дватцать шесть листов.

Полата, где живут стряпчие о дву жильях; конское стойло, наверху сарай, что сено кладут.

Двор обнесен от Плещеева двора в столбы // (л. 11 об.) тыном, от большего переулка стена и ворота каменные.

Все строение: церковь и кельи, и стряпческая палата, и поварня, и конское стойло крыты тесом.

В стойле припасу.

Два хомута и с шлеями, и с ременными гужами.

Одно седло строительское с сукном однорядочным зеленым, подседельник овечей шерсти, другое седло с сукном же зеленым ветхое.

Узда ременная с удилам.

Возжи ременные, три медведна санные.

Попона полосатая.

Под церковью в полаты хлебных запасов.

Оржаной муки шесть четвертей.

Гороху три четверика, ячменных круп три четверика.

Пшеничной муки четверик.

Семени конопляного два четверика.

Вина простого двенадцать ведр. //

(л. 12) В Казенной полате всяких в переплете и не в переплете книг и тетратей, и всяких крепостей, и писем.

Книга государев указ Соборное уложение печатная в десть.

Книга в десть, а в ней сначала список з жалованные грамоты, какова была дана сперва за золотою печатью и за государевою рукою 167-го году. В той же книге написаны со всех грамот и с писцовых, и с отказных книг списки, и всякие ведомости.

Список в тетратех с писцовых книг на Староруской уезд 133-го году в полдести.

Список в тетратех с отказных книг на Староруской уезд 163-го году в полдести.

Список в тетратех с переписных на все монастырские вотчины 186-го и 187-го годов в полдести.

Список в полдесть Новгородцкого и Новоторжского // (л. 12 об.) уездов пустошам сколько во владенье за Иверским монастырем к селу Выдропуску и хто почему ими владеет по досмотру архимандрита Антония 203-го году.

Список в тетратех в полдесть ис приходных книг на деревню Красные станки 188-го году.

Список с отказных книг Новгородцкого уезду Деревские пятины Городенского погосту Иверского монастыря на пятинную пустошь Буяново, что на озере Плотице, с пустошми 183-го году.

Список с межевых книг Иверского монастыря вотчины Ржевского уезду на село Щучье з деревнями межовщика новгородца Тимофея Мордвинова 183-го году.

Список с отказных книг отказу Ивана ДЕРЕВЕЦКОГО да подьячего Степана Родионова Старорусского уезду на Староруской да на Воскресенской погосты з деревнями, которые погосты и деревни отписал было к Старорускому посаду староруской воевода Иван // (л. 13) Бобаракин 182-го году.

Список с выписи с отдельных книг на село Низино з деревнями за рукою архимандрита Феодосия 165-го году. Список с переписных книг подьячего Ивана Трофимова на государевы дворцовые волости, которые в Деревской и в Бежецкой пятинах зарубежским выходцам 174-го году.

Другой список с переписных книг на те ж волости переписчика Ивана Михайлова сына Мещерского 172-го году.

Список с межевых книг на село Волдай з деревнями межовщика погребного стряпчего Ивана Коноплева 94-го году.

В том же переплете в одной тетрати список с отказных книг на село Щучье з деревнями откащика ржевского пушкаря Фетки Якимова за рукою святейшаго Никона патриарха 163-го году.

Список с выписки писцовых книг на село Чавницы писца Дмитрея Замыцкого 90-го году. //

(л. 13 об.) Книги переписные церковные села Богородицы-на 202-го году.

Список с межевых книг вотчины Иверского монастыря Московского уезду села Богородицкого спорной земли, что была с столником Богданом Чемодановым 178-го году и чертеж земли.

Список с отказных и мерных книг Иверского монастыря вотчины Новоторжского уезду на Выдропуске пустоши 187-го году.

Список с дела в тетратех новоторжца Карпа Дементиева с Никитою Оклячевым в поместном окладе 7098-го году.

Список с новоуказных разных статей 199-го году.

Список с приходных окладных оброчных книг Старорусского уезду Лоского погосту 195-го году.

Список с межевого указу 189-го году.

Список с устройных книг на село Волдай 82-го году.

Список с переписных книг на Лоской погост 175-го году. // (л. 14) Список с новоуказных статей о беглых крестьянех и бобылех 198-го году.

Список с отводных книг Старорусского уезду церкви Петра и Павла землям 191-го году.

Два чертежа с тверским архиепископом да с Успенским монастырем, что список с мерных книг, что в Клинском уезде в вотчине Ожерелкове Иверского монастыря 181-го году.

Список с переписных отводных книг на вкладные парфентиевские на шесть варниц 162-го году.

Книги переписные Московского уезду села Богородицкого крестьянским и бобыльским дворам переписи московского подворья строителя иеромонаха Лаврентия дастряпчего Афонася Шалашникова 190-го году.

Список с писцовой книге Старорусского уезду Лоского погосту 133-го году.

Список с переписных книг села Волдая мещаном 195-го году. //

(л. 14 об.) Книги переписные московскому подворью на строителя соборного иеромонаха Тихона 195-го году.

Книги переписные Клинского уезду шаповскому двору на посельного старца Гедеона 201-го году.

Тетрадь в полдесть, а в них списки всяким монастырским нужным грамотам с прочетом и без прочетов, и о чем которая грамота взята, и то писано в той тетради.

Список с отказных книг на село Волдай з деревнями за рукою соборных иеромонахов Феодосия да Досифея 161-го году.

Книги переписные московского подворья прошлых разных строителей и годов.

Книги переписные села Щапова крестьянским и бобыльским дворам строителя соборного иеромонаха Филарета да стряпчего Афонася Шалашникова 204-го году. //

(л. 15) Книга межевая в переплете Ржевского уезду на село Щучье за руками в кожи 163-го году.

Книга в переплете в десть новоуказных статей, каковы состоялись в прошлых годах в красной кожи.

Книга переписная монастырским всяким крепостям в переплете в полдесть 204-го году.

Дела и списки в столпах.

Столп отставным стрельцам разных годов.

Дело Вяжицкого монастыря со властями о беглых крестьянх о Евтифее Утушенском 197-го году вершеное, проести и волокиты не взяты.

Список с дела о пустоши Курганихи с Алексеем Нарышкиным.

Столп, а в нем отписки и грамоты о мстиславском олгаре и от отпуске соли в Воскресенской монастырь.

Дело невершеное Савина монастыря Сторожевского // (л. 15 об.) приписного их Медвежского монастыря 189-го году.

Список з дела вершеного о доимочных трехстах рублех, что было в Стрелецком приказе.

Челобитная старорушан посадцких людей Иверского монастыря на властей околгородных землях и деревнях 204-го году.

Список з дела с старорушанином посадцким человеком Никифором Коростынским о дровех 1700-го году и прошлых годов.

Дело невершенное Лоского дворцового погосту со крестьяны о пустошах спорных 198-го году.

Столп, а в нем дела 182-го году.

Дело с старорушанином посадцким человеком Никифором Житким о насильных взятых денгах о сте рублех с монастырского крестьянина да о беглой Анютки 181-го году.

Столп, а в нем дела разные 194-го году. //

(л. 16) Связок, а в нем всякие дела и памяти, и отписки приказные и домовые разных годов.

Столп, а в нем дела разные 201-го году.

Столп, а в нем дела разные 203-го году.

Столп, а в нем дела 202-го году.

Списки з грамот в Великий Новгород и во Ржеву Володимеровуо Щученской волости 163-го году.

Столп, а в нем дела разные 199-го году.

Судное дело о беглых крестьянех новгородцких полков с ротмистром с Ываном Ивыбковым 200-го году.

Столп, а в нем дела разные 189-го году.

Столп, а в нем списки с разных дел и з записей, и з грамот разных годов.

Столп, а в нем со всяких дел списки разных годов.

Столп, а в нем о разных делах и памяти, и государевы // (л. 16 об.) указы, и всякие писма разных годов.

Столп, а в нем росписи и книги, и всякие ведомости, сколько взято червоных золотых и денег, и всякой утвари из Ыверского монастыря в Воскресенской и в ыные монастыря разных годов.

Список з дела о перееме десятой денги, что в Старой Русе в 204-м году.

Столп, а в нем дела разные 180-го году.

Столп, а в нем дела разные 193-го году.

Столп, а в нем разные дела да список з данных грамот на дворы Милославского и Татищева, что в Великом Новгороде, а ныне иверское подворье 178-го году.

Столп, в нем дела разные 190-го году.

Столп, в нем дела разные 179-го году.

Столп, в нем дела разные 192-го году.

Столп, а в нем списки з грамот великого государя // (л. 17) и святейшаго патриарха о разных делах разных годов.

Столп, а в нем список с выписки Вышняго Волочка о беглых монастырских крестьянх о Максимке и Мишке Антиповых да о Гришке Ильине 193-го и иные разные дела.

Столп, а в нем дела разные 188-го году.

Столп, а в нем дела разные 187-го году.

Столп, а в нем дела разные 196-го году.

Столп, а в нем всякие челобитные и списки с челобитен разных прошлых годов.

Столп, а в нем дела разные о корельских выходцах разных годов.

Столп, а в нем дела с вышневолоцкими ямщиками 204-го году о спорной земли.

Столп, а в нем всякие дела разные 177-го году.

Столп, а в нем два дела 184-го году.

Столп, а в нем списки с челобитен Иверского монастыря властей и Ужинского дворцового рятку о завладении // (л. 17 об.) земли и сенных покосов 192-го году.

Столп з дела и по приставной памяти по челобитью Ивана Дивова в беглой ево женки Анютки и в сносимых животах, и в пожилых годах 173-го году по 181-й год.

Столп, а в нем дела разные 197-го году.

Столп, а в нем всякие дела и списки, и челобитные разных годов.

Столп, а в нем всякие дела и списки прошлых годов, и челобитные.

Столп, а в нем всякие дела и списки прошлых разных годов.

Список з дела Юрьева монастыря со властью о Череничской луки 184-го году.

Отписок властных монастырских и московских тридцать три столпа прошлых разных годов.

Малая коробочка с мелкими разными писмами прошлых годов. //

(л. 18) Столп списки с отписей разных годов.

Подлинные грамоты и записи, и отписки, и отпусные памяти.

Грамота послушная на село Богородицко с пустошами, что в Московском уезде, за приписью дьяка Семена Румянцова, справа подьячего Андрея Соколова 182-го году.

Выпись на то ж село Богородицко с межевых книг за печатью сыщика Сергея Аксакова за подписью подьячего Федосея Гаврилова 178-го году.

Другая выпись на то ж село Богородицко с межевых книг сыщика Сергея Аксакова за приписью дьяка Семена Румянцова, справа подьячего Андрея Соколова 182-го году.

Купчая Клинского уезду на село Щапово з деревнями вдовы Дарьи Гавриловской жены Леонтиева з детьми Ивановской площади за послухами 162-го году. //

(л. 18 об.) Грамота послушная на то ж село Щапово з деревнями записью дьяка Ивана Хрипунова, справа подьячего Фомы Микифорова 162-го году.

Купчая Клинского уезду на деревню Ясеново з деревнями Назарья Герасимова сына Мартемьянова Ивановской площади за послухами 162-го году.

Выпись с писцовых книг 132-го и 133-го годов с переписных книг 186-го на село Щапово ж з деревнями за приписью дьяка Василья Мануйлова, писал Андрей Гурьев 191-го году.

Запись меновная Микиты Нассонова во владеных денгах пустоши Чекменева, что в Клинском уезде, да бутто в насильном покосе по реке по Сестре ево Микитиной руки 180-го году.

Грамота святейшаго Адриана патриарха о приписке Понедельного монастыря 202-го году.

Купчая на слободу Шумково Ивана Уросова 162-го году. // (л. 19) Грамота тверского архиерея о освящении щаповской церкви.

Запись села Богородицкого на крестьян на Гаврилку Жукова да на Савку Чертова в мельничном оброке 193-го году.

Отпись стольника Назарья Петрова сына Мельницкого Яжелбицкого погосту дверевни Заручевья о крестьянех 202-го году.

Расписка Андрея Ивановича Плещеева крестьянской ево сын Коземка Федоров, что дал на Зимнегорскому яму в своих статках 185-го году. Да в том же крестьянине Коземки в приеме ево Козьму того ж 185-го году росписка.

Запись мировая новокрещеного кормового Архипа Афонасьева сына Чарымова в ыску и в увече по оговору вора Бориса Васильева с товарищи на монастырского крестьянина Алешку Гавруша 196-го году.

Поручная запись села Богородицкого по крестьянине // (л. 19 об.) по Гаврилке Жуке 182-го году.

Запись судная на дрогбуженина Михайлу Иванова сына з женою и з детьми 192-го году.

Запись судная Василья Борисова сына Благово с стряпчим Алексеем Семеновым в свозном сене с пустоши Стоянова 179-го году.

Росписка Симонова монастыря соборного старца Андроника в беглом старце Ароне и сносными животы 192-го году.

Указ великого государя ис Помесного приказу за приписью дьяка Андреяна Ратманова к думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову о пустошах Жилине с пустошми, что спорил думной дворянин, а ныне окольнічей, Петр Иванович Потемкин 203-го году.

Росписка государевых дворцовых соляных варниц головы Силы Аммосова в дровех 189-го году.

Память ис Помесного приказу за приписью дьяка // (л. 20) Андреяна Яковлева к боярину и оружейнику к Богдану Матфеевичю с товарищи о ведомости села Щапова деревни Опалеева да деревни Губина о корельских выходцах десяти семей, что их описал Лука Кураков на великого государя 178-го году.

Росписка княгини вдовы Авдотьи Васильевы Мещерской человека ее Василья Саковского в дву сундуках з животами 208-го году.

Отпись в ямских денгах Новгородцкого и Ржевского, и Новоторжского уездов 193-го году.

Отпись в ямских же денгах Новгородцкого и Ржевского, и Новоторжского уездов 192-го году.

Отпись в сенных денгах со всей монастырской вотчины 206-го году.

Две отписи старорусского кружечного двора головы Юрья Кашинцова в соляных пошлинах на 201-й год.

Отпись Старорусского таможенного збору головы Федора Лялина в соляных пошлинах в двухстах // (л. 20 об.) девяносте девяти рублех в дватцати девяти алтынех в дву денгах на 202-й год.

Отпись государевых соляных старорусских варниц головы Ивана Попова в подрядных дровех 194-го году.

Две росписки Спаского монастыря, что за иконным рядом, иеромонаха Павла в ево животах 201-го и 200-го годов.

Росписка Нижегородцкого полку рейтарского строю Луке Артемьева сына Шикертова в беглом ево человеке Макарье Филипове 199-го году.

Письмо черкасских городов города Глухова Степана Васильева, Кирилы Степанова в отъеме их пожитков и лошадей, что с монахом Лукой 205-го году.

Росписка Савинского монастыря стряпчего Анисима Ломоносова в борошню старцов Иоасафа да Иоиля 193-го году.

Отпускная Михайла Иванова сына Алфимова на крестьянскую // (л. 21) девку Ульяну Алексееву 191-го году.

Поручная запись села Щапова деревни Белавина крестьян Федора Маркова с товарищи тое ж деревни по крестьянине по Иване Микитине в житье.

Отпись семеновской съезжей избе, что плачено по розыскному делу иноземца Толмаза Клипера пропалых ево денег шестьсот сорок рублей 202-го году.

Отпись стрелецкого приказу в платежных денгах ратным людям на жалованье и на лошадную покупку в девяносте четьрех рублех 203-го году.

Заемная память рейтарского строю прапорщика Спиридона Дербановского в казенных денгах в четьрех рублех 171-го году.

Отпускная вдовы Авдотьи Тихановой Салтановской жене Никитича Уварова, во иноцех Елена, в дворовом ее человеке Мартине Федорове Жукове з женою и з детьми 184-го году. //

(л. 21 об.) Отпись полковника московских полков стрельцов Семенова приказу Ивановича Рославлева стрельцов Степашки Петрова с товарищи в денгах в трех рублех в шестнатцати алтынех в трех денгах 190-го году.

Отпись Карпа Березина и крестьянина ево Андрюшки в хлебе и в животины 176-го году.

Росписка стольника Ивана Михайловича Колычева в Мартинове сыне Шкодине 198-го году.

Отпись Петра Федорова сына Аминева в беглом человеке Мишке Алферьеве 176-го году.

Росписка Ивана Иванова сына Ендоурова в беглом ево крестьянине Евсее Меркульеве з женою и в животах 194-го году.

Память князя Петра Льмурзича Черкасского жене ево княгине Анне Васильевне во владенье монастырских пустошей Звенигородцкого уезду о Дроздове с пустошми из оброку в десяти рублех з 203-го впредь на 5 лет.

Отпись приказу Большаго дворца в сенных денгах со всей // (л. 22) монастырской вотчине 207-го году.

Мировое письмо Ямского приказу подъячего Василья Аменина с монастырским слугою Матвеем Якимовым в бою и в увече 208-го году.

Отпускная Воскресенского монастыря приписного Пятницкого монастыря приказного человека Ивана Мурашкина на беглую девку Груньку, что выдана в Шаповскую волость в деревню Опалево за Федора Семенова 207-го году.

Отпускная думного дворянина Федора Тихановича Зыкова на кабального ево человека дочь Прасковью Давыдову дочь Федорова 197-го году.

Росписка старорусского черкашенина Остафья Иванова сына в приеме денег в десяти рублях с полтиною 201-го года.

Отпись приказу Денежного збору о доимочных денгах Шаповской волости сельца Опалева за корелян за Обрама Григорьева с товарищи в трехстах семидесяти четырех рублях в тридцати алтынях в двух денгах 189-го году. //

(л. 22 об.) Отпись Печатного приказу старорусского оброчного мосту и с перевозу пошлин во сте рублях в семнатцати алтынях в полуторых денгах 204-го году.

Отписи 200-го и 202-го, и 203-го, и 204-го три отписи, и всего шесть отписей в платеже отставных стрельцов в хлебом и в денежном жалованье.

Указ великого государя ис приказу Большаго дворца, чтоб дать денежное и хлебное жалованье отставным стрельцам 207-го году.

Шесть отписей дому святейшаго патриарха певчих в славных денгах прошлых разных годов.

Отпись Московского уезду села Богородицка в запросном хлебе 191-го году.

Отпись в стрелецком хлебе села Богородицка 178-го году.

Двенатцать отписей приказу Ствольного дела в угольных денгах Московского уезду села Богородицкого прошлых разных годов. //

(л. 23) Расписка патриарша розряду дьяка Ивана Иванова сына Калитина человека ево Андрея Васильева в кипарисном сундуке 181-го году.

Отпись Московского уезду села Богородицка, что плачена на покупки коней, в восьми рублех 195-го году.

Заемная память на Иева Прокофьева сына Лежнева в дватцати рублех 207-го году.

Отпись в Староруских мостовых денгах, что на Порусье реке, да перевозу, что на Полистье реке, печатных пошлин денег Печатного приказа на 206-й и на 207-й годы в семи рублех в семи денгах.

Да отпись в достальных полуполтинных 16 рублях в 25 алтынах за 190-й год, 208-го году писано.

Росписка строителя монаха Христофора о приеме денег у строителя иеромонаха Рафаила во сте рублех ево Христофоровой руки 208-го году.

Поступная вкладом московского Покровского собора, что // (л. 23 об.) у Троицы на рву, священника Льва Ефимьева на лошадь с хомутом 1700-го году.

Отпись в ямских денгах со Ржевского уезду 1700-го году.

Зделочное мировое письмо белозерца Матюшки Артемьева, что он бил челом великому государю на Москве в Судном дворцовом приказе Старорусского уезду деревни Дубовиц на Сенку Купрянова з братьями в бою и в увечье, и в отнимке денег 1700-го году.

Подрядная запись на патриарша крестьянина Осипка Ильина о строении на подворье стряпческих полат с порукою 1700-го году.

У него ж, подрядчика, взяты две отписи в подрядных денгах в дватцати пяти рублех 1700-го году.

Внове при строителе Ефреме.

Две отписи дому святейшаго патриарха певчих в рожественных славленных денгах 1701-го и 1702-го годов.

Мировое письмо Ямского приказу подьячего Василья, се писа выше сего.

Правая выпись на Мартина Бычати́на с товарищи 1701-го году. //

(л. 24) Отпись в ямских денгах Клинского уезду села Щапова з деревнями 1701-го году.

Запись Московского уезду Николы чудотворца Угрешского на крестьянина Никиту Михайлова во владенье загородного московского двора 1700-го году.

Отпись села Богородицкого в угольных денгах 1700-го году.

В столпе 17 списков с отписей разных платежей и годов за рукою строителя иеромонаха Ефрема.

Отпись Клинского уезду села Щапова з деревнями в карабельную починку 1701-го году.

Пятнадцать списков с отписей в запросной муки 1700-го году.

Три отписи Богородицкого села в угольных денгах 701-го, 702-го годов.

Того ж Богородицкого села отпись в 10 рублях на жалованье ратным и пешим людям на 197-й год.

Десять списков с отписей в карабельной платеж за рукою кумпаншика Анисима Ломоносова разных годов.

Заемная память на Григорья Никифорова Уварова в 15 рублях 700-го году.

Отпись Клинского уезду села Щапова з деревнями в Стрелецком // (л. 24 об.) хлебе 703-го году. Да того ж году в запросной муки отпись.

Отпись села Богородицкого в запросной муки 702-го году.

Отпись Земских дел приказу в мостовых и решеточных денгах московского подворья 703-го году.

Список с отписи общая з Богоявленским монастырем села Богородицкого в подводах 702-го году.

Казенная медная печать.

Да в соляной полатки под кельям.

Соли два куля целых и в початых кулях же весом сорок пуд.

Список з дела об Онушке Реченском, что с Петром Титовым.

Список з дела з бывшим подьячим Марком Петровым.

Список з дела с вышневолоцкими и зимнегорскими ямщиками.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 939. Л. 1–24 об. Беловик.

№ 5

1673 г. января 6. — Росписной список имущества на новгородском подворье Валдайского Иверского монастыря, переданный стряпчим Петром Марковым новому стряпчему Венедикту Самсонову.

(*сст. 1*) 181-го генваря в 6 день росписка Иверского монастыря стряпчего Венедикта Самсонова, что принял в Великом Новгороде на иверском подворье у стряпчего у Петра Маркова, как ево переменял по властиному указу.

Во властелиной келье и в чуланах.

Образ Спасителя нашего Бога Нерукотворенный, образ Богородицын в киоте, писаны на полотне.

Образ Умиления Богородицын на дске.

Образ Никиты чудотворца на дске.

В четырех окнах болшие окончины стеклянные попортились.

Таз медной, заслон печная железная.

Столовая доска дубовая новая.

Две скамье большие.

В стряпчево избе.

Образ Никиты, Иоанна новгородцких чудотворцов на дске.

Стол круглой, другой стол дубовой с ящиком, доска осиновая.

2 скамье, окончина в окне большая, две окончины малых стеклянные.

Четыре катки небольшие новые и подержанные.

Три ушата, два лукошка мерные.

Две квашни, лохань, 2 решето, двои ведра.

В поварни русло и два доща напивных старых, да новой дощан большой, на городища свезен.

Два дощанца старые крошивные.

Дощан под полатою старой да дощик новой.

Три бочки дубовые новые по дватцати ведр. //

(*сст. 2*) Две бочки дубовые подержаны.

Бочка дубовая беременная.

Бочка сосновая осташевка новая.

Три заступа железных, сани дровни.

Дошник новой трубник.

5 бочек осташевок ветхих, однодонных на спища.

Дошничек старой капустной.

В каменной полаты двои двери железные болшие.

Двери болшие железные решотчатые.

Три закрышки железные оконные.

В воротней избе образ Спасов на дске.

Стол и доска дубовые старые, что был во властиной келье.

Да доска большая дубовая.

Жерновы старые, другие жерновы новые.

Ступа и два песта.

На дворе драницы и скалы, лежат за полатою, и скалы на кровлю для починки монастырских хором.

2 корыта.

Фонарь слудяной.

2 железа ножные.

Кадочка дупленка.

2 замков с ключами у полаты да у житницы.

Боченка¹.

Корыто платанное.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2157. Сст. 1–2. Подлинник.

¹ В ркп. далее зачеркнуто теми же почерком и чернилами что останетца написать цепь с стулом.

№ 6

1702 г. — *Опись новгородского подворья Валдайского Иверского монастыря.*

(л. 1) 1702 году.

Пречистые Богородицы Иверского монастыря по указу архимандрита Тарасия наместника иеромонаха Филарета з братиею и по приказной памяти тоя ж святых обители Иверского монастыря соборной монах Иларион Лвов приехал в Великий Новгород на их властное монастырское новгородское иверское подворье и, взяв с собою того ж монастыря приписного Николаевского Ляцкого монастыря строителя иеромонаха Аркадия да монаха Христофора да с ними на том подворье крепости и списки с крепостей, и всякие писма, и дворовое строение, и посуду оловяную и медную против переписных книг монаха Христофора прошлого // (л. 1 об.) 1700-го году пересмотрел и переписал, и, переписа, отдал того ж монастыря новгородского подворья стряпчему Матьфею Якимову да подьячему Никифору Лукину сыну Дретенскому. А что на том подворье крепостей и всяких писем, и дворового строения, и заводу, и посуды оловяной и медной, и то писано в сих книгах имянно порознь и по статьям. И чего им, стряпчему и подьячему, не отдано, и то в сих книгах означено ж в конце тетрати ж.

В Великом Новгороде на Михайлове улицы подворье Пресвятые Богородицы Иверского монастыря, что бывали

дворы Михаила Милославского да Ивана Татищева, идучи на двор, ворота большие створчатые с прикалитком.

Да на дворе хоромного строения полатка каменная з двумя полатками да против полатки // (л. 2) келья деревянная с пере-рубом о дву житьях; да промеж полатки каменной и деревянных келей сени деревянные ж, а в них два чулана; да под каменной полаткой погреб да полатка; да под деревянными кельями анбар. Да промеж полатки и келей под сенми погреб ледник. Полатка и кельи, и сени крыты дранью в потоки, а крылец крыт тесом. Да на том же дворе конюшня рубленая, на ней сараи рубленые же. Да у той конюшни в ысподе келейка да наверху возле сарая три чулана. А круг сарая и круг чуланов перила. А та конюшня и келейка, и чуланы, и сараи рублены в одной связи. Да у той же конюшни и у сарая построена поварня с ызбушкою. Да на дворе ж квасоварня рубленая, а у той квасоварни баиня. Да у того ж двора два огорода, что бывали преж сады. И то вышеписанное хоромное строение и огороды, и погребы, и анбар, и конюшня, и квасоварня // (л. 2 об.) з баиней, и полатка каменная заняты на великого государя во дворец, и ныне в тех хоромех стоят приезжие государев дворцовой дьяк и иные государевы люди. А погребы заняты з государевым питьем, и поварня занята ж.

Да на дворе ж против ворот стряпческие хоромы деревянные светлица да против светлицы изба черная. В светлицы четыре окошка красных с стеклянными оконницы, стекла в оконницах порозбиты. Да в черной избе два окошка красных оконницы стеклянные розбиты все да три окошка волоковых, а оконниц в них нет. Да промеж светлицы и черной избы сени, а в них 1 чулан рублиной, на сенях чердак. Да у тех же хором два крыльца, промеж их два чулана рубленые ж. Да в тех же хоромех в белой светлицы стол дубовой столярской работы. //

(л. 3) Да на дворе ж приворотная изба, да против той избы хлебня, а промеж приворотней и хлебни сени. А в ызбе, и в хлебни, и в сенях четыре чулана рубленых. А те хоромы, хлебня, и воротня, и чуланы рублены в одной связи. //

(л. 3 об.) Да на том же подворье посуды оловяной и медной.
Блюд оловяных больших и малых двенадцать.
Торелок оловяных дватцать семь да торелка медная.
Десять стоканов оловяных ветхих.
Два кунгана оловяных, третей медной ветхи.
Ендова медная ветха ж.
Сковоротка медная.
Сосуд оловяной на трех ножках.
Четыре кварталы.
Два подсвечника медных.
Сутки с уксусницей и перечницею.
Росолник медной да другой оловяной.
Моржер медной, по скаскестряпчего Ефима // (л. 4) увез
к Москве приказу Большаго дворца дьяк Михаила Воинов.
Таз медной ветх.
Воронка медная ветха.
Кубик в ведро с крышкойю.
Котел, отдан слуге Ивану Кирилову на службу.
Котлик маленькой медной, и тот котлик взял от монастыр-
ского подводного дела в первой поход, как шли на службу
великого государя ратные люди, приказной полаты подьячей
Тихан Зеленин у подьячего Никифора Дретенского в про-
шлом 1700-м году.
Да в Ляцком монастыре горшок медной да котлик //
(л. 4 об.) путной.
Да два котлика поменьше ветхие.
Да на поварни таган большой железной да таган малой.

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Картон 154–155. Д. 13.
Л. 1–4 об. Подлинник.*

№ 7

**1705 г. — Переписная книга новгородского подворья
Валдайского Иверского монастыря.**

(л. 1) Подворье Пречистые Богородицы Иверского монастыря на Михайлове улицы, что бывали двор Михайлы Милославского да Ивана Татищева. Идучи на двор, ворота большие створчатые с прикалитком, столбы резные крыты тесом на железных завесах, у калитки запор железной, а ворота новые.

Да на дворе хоромного строения полатка каменная з двумя комлатками, в полатки и в комлатках восемь окошек з железными решетками, окончины стекольчатые. В той же полатки печь образчатая мурамленая зеленая. Той же полатки и в комлатках трой двери на железных завесах (с) скобами. У днех дверей замок нутрянной личинной. Да в той же полатки стол дубовой ветхой. Взят на государев дворец¹.

Против той полатки келья деревянная с перерубом о двух жильях, а в них двенатцать окошек, окончины стекольчатые да в них же две печи² муравленые зеленые с трубами с каменными. Да в тех же стол дубовой столярской работы. Да промеж полатки каменной и деревянных келей сени // (л. 1 об.) деревянные ж, а в них два чюлана рубленые с окошками

¹ В ркп. взят на государев дворец *написано другими почерком и чернилами.*

² В ркп. печи *вставлено в текст другими почерком и чернилами.*

красными, окончины стекольчатые. Да в тех же деревянных кельях и в чуланах, и в сенех десятеры двери на железных завесах.

Да промеж полатки и келей под сенми погреб ледник створчистой двойной дверью. Над погребом в подсенье дверь на железных завесах, замок нутряной личинной. Полатка и кельи, и сени крыты дранью на скалбах в потоки, а крылец крыт тесом. //

(л. 2) Да на дворе ж против ворот стряпческие хоромы деревянные новы, а в них светлица белая. Да против светлицы изба черная, промеж светлицы и избы сени, а в них один чулан рубленой, на сенях чердак. Да у тех же хором два крыльца, промеж них два чулана рубленые ж, ход в них из сеней, да две светлицы. И во всех хоромах красных окончин одиннатцать. Да в черной избе три окончины волоковых. Да в тех же хоромах в белой светлицы стол дубовой столярской работы. Да в светлицых печь круглая обрасчатая цветная. Да в черной избе печь кирпичная. Да в тех же хоромах пятнатцатеры двери на железных завесах с скобами и з защелками.

Да на дворе ж приворотняя изба да против той избе хлебня, а промеж приворотней избе и хлебни сени. А в избе и в хлебни, и в сенех четыре чулана рубленых. А те хоромы и хлебня, и чуланы рублены в одной связи новые поземные. Да в тех же приворотних хоромах красных стекольчатых окончин семь да волоковых пять да два стола. Да в приворотни и в хлебни // (л. 2 об.) две печи кирпичные, в хлебни печь с трубою, крыты дранью на скалбах в потоки. Ис того числа в остатке две больших оконницы, а достальные от стояльцов розбиты³.

Да на том же дворе конюшня рубленая, на ней сарай рубленой же. Да у той же конюшни в ысподе келейка да на верху возли сарая три чулана, а круг сарая и круг чуланов перила. А та конюшня и келейка и сарай, и чуланы рублены в од-

³ В ркп. Ис того числа в остатке две больших оконницы, а достальные от стояльцов розбиты дописаны другими почерком и чернилами.

ной связи новы, а в келейк[и] печка образчатая муравленая. Да у той же ке[лейки] и в чуланах семь окончин красных стеко[льчатых] да одно волоковое. Да в конюшни и на сарае две двери створчатые, а в келейке и в чуланах шестеры двери, а все те двери на железных завесах з защепками и скобами железными.

Да у конюшни и у сарая два замка висящих сничных. Да у сарая ж у передняго и у заднего чуланов два замка нутряных. Да в переднем же чулане столик липовой столяренной работы. А вся та связь крыта дранью на скалбах новые ж. //

(л. 3) Да у той же конюшни и у сарая пристроена поварня с ызбушкою, в ызбушке печка кахляная зеленая, а в ней два окошка красные. Избушка ветха, а крыта дранью.

Да на дворе ж за стряпческим хоромам погреб деревяной ледник, а над погребом анбар, а у погреба и анбара двери на железных завесах, анбар крыт дранью.

На дворе ж два огорода, что бывали преж сады, а те сады в пожарное время выгорели. А ныне у тех старых дерев отросли яблонные и грушечные и вновь подсажены почки яблонные. И те вышеписанные деревье иные с плодом, а иные бесплодны.

Да на огороде ж квасоварня рубленая, а в ней два горна. Да в ней же двои двери, а те двери на железных завесах з защепками. У воднех дверей // (л. 3 об.) середки запор железный. Да у той же квасоварни байня. Да на том же подворье драгунских лошадных семнатцать кож.

А круг двора и огородов забор забираи вновь в столбы новым лесом при бытии стряпчего Матфея Якимова прошлаго 704-го году.

Да у него ж стряпчего Матфея вновь поставлено за стряпческим хором к деревяному ледному погребу сарай новой, забираи в столбы, крыт дранью для ставленья телег и саней и клажи сена.

Да на том же подворье ево Матфеевых припасных некупленных семдесят семь бревен семи и осми саженных. //

(л. 4) Да на том же подворье спусуды.

Блюд оловяных больших и малых двенатцать.

Торелок оловяных дватцать семь.

Да торелка медная, два кунга оловяных, третей медной ветхи.

Десять стоканов оловяных⁴ ветхих, ендова медная, ветха ж.

Сковоротка медная, сосуд оловянной на трех ношках.

Четыре кварталы. Два подсвешника медных.

Сутки с укусницей и с перешкидей.

Росольник медной да другой оловяной.

Мовжер медной, по скаски стряпчего Ефима увез к Москвы приказу Большаго дворца дьяк Михайла Волков. //

(л. 4 об.) Таз медной ветх.

Воронка медная ветха.

Кубик в ведро с покрышкою.

Котел, отдан слуге Ивану Кирилову на службу.

Котлик маленькой, и тот котлик взял от монастырского подворного дела в первой поход, как шли на службу великого государя ратные люди, приказной полаты подьячей Тихан Зеленин у подьячего Никифора Дретенского в прошлом 1700-м году. //

(л. 5) Подлинная подрядная запись подрядчиков софейского дому Тесовские волости бывшего старосты Якова Козмина с товарищи в подряде пятипудного сена Старорусского уезду, что подрядили платить Рамышевского погосту деревни Березицка Тимофея Пронина с товарищи.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 1044. Л. 1–6. Подлинник.

Частично опубликовано: Секретарь Л.А. Подворье Валдайского Иверского монастыря в Новгороде // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб., 2007. С. 269–270.

⁴ В ркп. далее зачеркнуто теми же чернилами третей медной.

Литература

Зеленская Г.М., Берхина Т.Г. Ильинка сквозь века. Патриарх Никон. М., 2008.

Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Утверждение династии / Составитель А. Либерман; послесловие С. Шокарев. М., 1997. С. 185–230.

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа / Составители: А. Либерман, С. Шокарев; послесловие И. Андреев. М., 2000. С. 9–126.

Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // Утверждение династии / Составитель А. Либерман; послесловие С. Шокарев. М., 1997. С. 43–184.

Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640: Эссе по исторической психологии. М., 2010.

Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. V.

Свирилин А.И. Подворье Переславского Данилова монастыря в Москве // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860–1861. СПб., 1863. Кн. V. Отд. V. С. 1–29.

Седов П.В. «Все де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сборник статей. СПб., 2013. С. 122–142.

Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. Изд. 2-е. М., 2008.

Седов П.В. Изменения представлений о времени в России во второй половине XVII – начале XVIII в. (по переписке монастырского стряпчего) // Religion und Integration im Moskauer Russland. Kozepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen 14–17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2010. С. 447–460.

Седов П.В. Контрабандная торговля табаком в порубежных территориях Новгородской земли во второй половине XVII в. // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2012. № 4. С. 85–92.

Седов П.В. Подношения в московских приказах XVII в. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139–150.

Седов П.В. Подношения в системе воеводского управления Новгорода XVII в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Т. 7 (17). С. 130–163.

Седов П.В. Правда и Закон (Судебная практика второй половины XVII в. глазами ее участников) // Русистика Руслана Скрынникова. Будапешт–Волгоград, 2001. С. 240–253.

Секретарь Л.А. Подворье Валдайского Иверского монастыря в Новгороде // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб., 2007. С. 262–270.

Скворцов Н. Московская церковная старина. Уничтоженные в московском Китай-городе церкви. М., 1895.

Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Ч. III.

Тимофеева И.П. Дворы и подворья Владимирского Рождественского монастыря (XVI–XIX вв.) // РусАрх. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. 2013 г. — <http://www.rusarch.ru/timofeeva19.htm> (дата обращения 04.08.2015).

Тимошенкова З.А. Демографические процессы в монастырской деревне второй половины XVII – начала XVIII в. // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России. К 150-летию

отмены крепостного права в России: Труды межрегиональной научной конференции 20–22 сентября 2011 года / Под редакцией З.А. Тимошенковой. Псков, 2011. С. 118–132.

Тимошенкова З.А. Община в вотчине Иверского монастыря во 2-й половине XVII — начале XVIII в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 533–541.

Тимошенкова З.А. Село Валдай во второй половине XVII — начале XVIII в. // От Древней Руси до современной России. СПб., 2006. С. 194–207.

Тимошенкова З.А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVII — начала XVIII века. Псков, 1999.

Черкасова М.С. Вологодское подворье Кирилло-Белозерского монастыря в XV — начале XVIII века // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 7–55.

Шенкова О.П. Монастырские и архиерейские подворья Москвы (по материалам конца XVI — XVIII в.) // Архитектура русской усадьбы. М., 1998. С. 50–62.

References

Cherkasova M.S. Vologodskoe podvor'e Kirillo-Belozerskogo monastyr'ya v XV — nachale XVIII veka // Vestnik cerkovnoj istorii. 2006. № 1. S. 7–55.

Kollins S. Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone // Utverzhdenie dinastii / Sostavitel' A. Liberman; posleslovie S. Shokarev. Moskva, 1997. S. 185–230.

Kotoshihin G. O Rossii v Carstvovanie Alekseya Mihajlovicha // Moskoviya i Evropa / Sostaviteli: A. Liberman, S. Shokarev; posleslovie I. Andreev. M., 2000. S. 9–126.

Mandru R. Franciya rannego Novogo vremeni, 1500–1640: Ehsse po istoricheskoy psihologii. Moskva, 2010.

Mejerberg A. Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Mejerberga // Utverzhenie dinastii / Sostavitel' A. Liberman; posleslovie S. Shokarev. Moskva, 1997. S. 43–184.

Russkaya istoricheskaya biblioteka. Sankt-Peterburg, 1878. T. V.

Sedov P.V. «Vse de nyne gosudarevo»: tradicii i novicii v cerkovnoj reforme Petra I // Fenomen reform na zapade i vostoche Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.): Sbornik statej. Sankt-Peterburg, 2013. S. 122–142.

Sedov P.V. Izmeneniya predstavlenij o vremeni v Rossii vo vtoroj polovine XVII – nachale XVIII v. (po perepiske monastyrskogo stryapchego) // Religion und Integration im Moskauer Russland. Kozepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen 14–17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2010. S. 447–460.

Sedov P.V. Kontrabandnaya trgovlya tabakom v porubezhnyh territoriyah Novgorodskoj zemli vo vtoroj polovine XVII v. // Trudy Karel'skogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2012. № 4. S. 85–92.

Sedov P.V. Podnosheniya v moskovskih prikazah XVII v. // Otechestvennaya istoriya. 1996. № 1. S. 139–150.

Sedov P.V. Podnosheniya v sisteme voevodskogo upravleniya Novgoroda XVII v. // Novgorodskij istoricheskij sbornik. Sankt-Peterburg, 1999. Vol. 7(17). S. 130–163.

Sedov P.V. Pravda i Zakon (Sudebnaya praktika vtoroj poloviny XVII v. glazami ee uchastnikov) // Rusistika Ruslana Skrynnikova. Budapesht–Volgograd, 2001. S. 240–253.

Sedov P.V. Zakat Moskovskogo carstva. Carskij dvor konca XVII veka. Izd. 2-e. Sankt-Peterburg, 2008.

Sekretar' L.A. Podvor'e Valdajskogo Iverskogo monastyrya v Novgorode // Izuchenie i restavraciya pamyatnikov drevneruss-

koj arhitektury i monumental'nogo iskusstva. Sankt-Peterburg, 2007. S. 262–270.

Shchenkova O.P. Monastyrskie i arhierejskie podvor'ya Moskvy (po materialam konca XVI – XVIII v.) // Arhitektura russkoj usad'by. Moskva, 1998. S. 50–62.

Skvorcov N. Moskovskaya cerkovnaya starina. Unichtozhen-nye v moskovskom Kitaj-gorode cerkvi. Moskva, 1895.

Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov Moskva, 1822. Ch. III.

Svirelin A.I. Podvor'e Pereslavskogo Danilova monastyrya v Moskve // Arhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedenij, ot-nosyashchihsya do Rossii. 1860–1861. Sankt-Peterburg, 1863. Kn. V. Otd. V. S. 1–29.

Timofeeva I.P. Dvory i podvor'ya Vladimirskogo Rozhdestvenskogo monastyrya (XVI–XIX vv.) // RusArh. Ehlektron-naya nauchnaya biblioteka po istorii drevnerusskoj arhitektury. 2013 g. – <http://www.rusarch.ru/timofeeva19.htm> (data obra-schenya 04.08.2015).

Timoshenkova Z.A. Demograficheskie processy v monastyrskoj derevne vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII v. // Proble-my agrarnoj istorii Severo-Zapada Rossii. K 150-letiyu otmeny krepostnogo prava v Rossii: Trudy mezhregional'noj nauch-noj konferencii 20–22 sentyabrya 2011 goda / Pod redakciey Z.A. Timoshenkovej. Pskov, 2011. S. 118–132.

Timoshenkova Z.A. Obshchina v votchine Iverskogo monastyrya vo 2-j polovine XVII – nachale XVIII v. // Rossijskoe gosudarst-vo v XIV–XVII vv.: Sb. statej, posvyashchennyh 75-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.G. Alekseeva. Sankt-Peterburg, 2002. S. 533–541.

Timoshenkova Z.A. Selo Valdaj vo vtoroj polovine XVII – nachale XVIII v. // Ot Drevnej Rusi do sovremennoj Rossii. Sankt-Peterburg, 2006. S. 194–207.

Timoshenkova Z.A. Sociokul'turnyj oblik severo-zapadnoj derevni XVII – nachala XVIII veka. Pskov, 1999.

Zelenskaya G.M., Berhina T.G. Il'inka skvoz' veka. Patriarh Nikon. Moskva, 2008.